

16+

М. Лютый
Кровавая пыль дорог

М. Лютый

Кровавая пыль дорог

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67173647

SelfPub; 2022

Аннотация

Трудно славянскому племени в окружении многочисленных врагов. Как мирно жить, чтобы обрабатывать землю, рожать и воспитывать детей? Поневоле приходится жертвовать собой ради спасения своих близких, ради сохранения своей идентичности. О жизни простых славян в переплетающихся событиях восьмого века и рассказывает эта книга.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

129

М. Лютый

Кровавая пыль дорог

Предисловие

Большинству мыслящих людей всегда интересно знать о будущем. Но здесь мы можем только догадываться, ибо иное нам не дано. Не меньший интерес вызывают вопросы о прошлом. Литературные источники в виде летописей, а также археологические раскопки дают нам почти полное представление о прошедших событиях, произошедших несколько веков век назад. Но чем глубже мы погружаемся в глубину истории, то тем больше возникает вопросов, на которые нет однозначных ответов. Какие-то факты в разных источниках противоречат друг другу, другие описаны однобоко, третьи упомянуты вскользь, а археологические раскопки вскрывают и трактуют совершенно другое. Одним словом: чем дальше в лес, тем толще партизаны. Вопросов очень много.

Одним из таких вопросов стоит вопрос о прародине славян. Славяне как сформировавшийся народ впервые были зафиксированы в византийских письменных источниках VI века. В них указывается, что в 517 году они появились на Дунае, а затем осуществили набег на Иллирию и Македонию. Затем они появляются в южной, центральной Европе, на балтийском побережье, в среднем и нижнем течении Эльбы и даже в Малой Азии. Все это следствие второго этапа так

называемого Великого переселения народов.

Одни историки пишут, что славяне расселились по Европе с предгорий Карпат, другие – что славяне автохтонный народ и всегда жили на территории восточной Европы. Сторонники теории расселения славян ссылаются на летопись «Повесть временных лет», в которой автор указывает, что родина славян находится в среднем течении Дуная, откуда они расселились по Европе. Этой версии придерживались С.М.Соловьев, а затем В.О.Ключевский и их последователи. Сторонники противоположной теории считали, что славяне всегда жили на территории современной Польши, Украины и Белоруссии. Этой точки зрения придерживались советские ученые, чешские ученые – сторонники Л. Нидерле, а также ряд болгарских историков.

Изучая вопрос о прародине славян, основываясь на письменных источниках, историки сталкиваются с некоторыми противоречиями. Например, в «Повести временных лет» указывается, что вятичи и радимичи вышли от ляхов, т.е. с территории современной Польши, а последние изыскания историков, в т. ч. археологические раскопки, показывают, что вятичи вышли из северских земель, с верховьев Дона и его притоков, где жило племя северян. А радимичи появились в местах своего расселения спустя несколько десятилетий после переселения вятичей.

В «Повести временных лет» автор находит родину славян в римской провинции Норик, расположенной между верхо-

вьями Дуная и его притоком Дравы. А это по соседству с территорией этрусков. Римской провинцией она стала в 16 г. до н. э. Оттуда славяне были вынуждены переселиться в другие места. Возникает вопрос: неужели так глубоко на многие века проникали знания автора летописи? А как же тогда с переселением вятичей и радимичей, которое произошло спустя нескольких веков гораздо ближе к времени жизни автора? Как говорил один из второстепенных героев романа А.Иванова «Тени исчезают в полдень»: «Сомневаюсь я, однако». Хочется верить, что ученые-лингвисты и ученые-археологи постараются ответить на поставленный вопрос и придут к единому мнению о прародине славян.

Хотелось бы обсудить следующий вопрос: а влияло что-то или кто-то на их расселение? Приводится много причин о переселении народов. Одни народы начинают переселение на новые территории из-за вражды со своими соседями: например, авары. Другие народы – из-за резкого увеличения численности населения и необходимости переселения на новые территории, например, тюркоязычные народы. В этом случае на своей родине оставалась часть населения, а наиболее пассионарная часть (по Л.Гумилеву) осваивала новые территории, при необходимости вступая в конфликты с другими народами. Конфликты бывают разные. Можно ли назвать пассионарными новгородских ушкуйников, нападавших на татаро-монгольские города? Скорее всего их разгульная жизнь и жажда легкой наживы влекла на эти подвиги.

Люди-пассионарии, переселявшиеся на новые территории, брали с собой свои семьи.

Ещё одним фактором переселения является попадание под сферу влияния более агрессивного соседа, подчинение ему или становление союзником и под его начальствованием, но не руководством, ибо это немного другое, переселение с целью завоевания других народов и территорий. Например, вождь гуннов Аттила в середине V века подверг разгрому земли севернее реки Рейн. Именно в это время предки германцев появились в Скандинавии, и именно в это время англосаксы, юты, фризы и часть саксов начала переселяться в Британию. В истории датой заселения Британии этими народами считается 449 г., а в 451 г. происходит битва на Каталунских полях, где, как считается, гунны под предводительством Аттилы потерпели поражение. В это же время появляются в нижнем течении Эльбы (Лабы) ободриты или бодричи.

Середина шестого века (в 560 г. аварская конница подошла к землям антов) – в среднем и нижнем течении Эльбы появляются племена лютичей. Почему немецкое племя саксов вступило в союзнические отношения со славянским племенем лютичей, и этот союз воевал с ободритами? Скорее всего возникли конфликты за обладание территорией. А враг моего врага – мой друг. И лютичи вступают в союзнические отношения с саксами, и долгое время воюют с ободритами, пока франки во главе с Карлом Великим и в союзе с обод-

ритами не поработают вначале саксов, а затем и лютичей. К слову сказать, ободриты потом были подчинены франками, но это совсем другая история.

Вопрос: ободриты заняли пустующие земли или вытеснили другие племена? Западные источники об этом умалчивают (или автор об этом не знает), но в то же время указывают, что людей этого племени очень боялось племя данов, на которое ободриты регулярно нападали и приводили оттуда рабов. Те же западные источники указывают, что свирепее этого племени на Балтийском море никого не было. Не зря, наверное, франк Карл Великий при ведении своих войн предпочел взять их в союзники, чем быть их врагом. Так что, скорее всего, ободриты вытеснили саксов и англов. Не зря же потом оставшиеся саксы почти два с половиной столетия воевали с ободритами. В начале V века германское племя лангобардов с нижнего течения Эльбы переселяется в область среднего течения Дуная. С чего это они?..

Вопросов много, на некоторые (по крайней мере у автора) пока нет ответов. Северская земля, северяне. Жили в верховьях Дона и на его притоках. А как же тогда племя северян, которые были подвластны болгарскому хану и жили на Балканах?

Или еще вопрос. Среди объединенного племени лютичей, пришедших в 6 веке в район реки Эльбы (Лабы) было племя резане. Часть племени лютичей позднее под давлением племен германцев переселилось на территорию современной

Белоруссии и Литвы. А как же тогда название города Рязань, основанного князем Святославом на берегу Оки на земле вятичей? Не перекликается ли название города с названием племени древних славян? Или это просто совпадение?

Для автора было открытием, что арабы, воюя с Хазарским каганатом, в 737 году от Рождества Христова двинули против хазар огромную армию из арабов и дружин союзных кавказских князей. Разбив хазар, арабское войско дошло до реки Танаис (раньше так называли Дон), где обитал многочисленный славянский народ, и, подавив их сопротивление, увел с собой 20 000 славянских семейств. Через некоторое время славяне восстали и большинство из них погибли, но это тоже можно отнести к одному из путей расселения славян.

Так что прослеживается, что какие-то племена подчинялись захватчикам и в их составе становились их союзниками и передвигались вместе с ними на запад (может быть северяне и ободриты). Другие же, наоборот, не желали им подчиняться и уходили на север и запад (лютичи). И, вследствие этого, уже в седьмом веке славяне (или как их еще называли в разных источниках анты, венеды, склавины) расселились по огромной территории Европы.

Интересные факты, интересные события. А что еще происходило в седьмом – начале восьмого веках? Заканчивается экспансия арабов, значительно потеснивших Византийскую империю, и разбитых франками, закат аварского вла-

дычества, первое государство славян под руководством Само, расширение хазарского каганата. Славяне широко расселяются по Европе, в том числе в Византии, и со славянами начинают считаться другие народы.

Автор не претендует на научную истину. На основе исторических фактов, описанных в различных источниках, родился этот художественный вымысел, облачённый в это художественное произведение. О жизни простых славян в этих переплетающихся событиях восьмого века и рассказывает эта книга.

С уважением, автор.

Глава 1

(737 г. от Р.Х.)

Блѣклый луч солнца, едва проникнув сквозь затянутое мутным бычьим пузырьѣм небольшое оконце, не спеша скользил по стенам жилища кузнеца Людоты. Его дом, выложенных из отѣсанных брѣвен, как и у большинства северян славянского племени, был углублѣн в землю на половину человеческого роста. Внутри стены и пол были обшиты тѣсаными досками, и из-за этого жилище считалось богатым, так как у большинства из соседей пол был из плотно утопанной глины. В противоположном углу от входной двери стояла глиняная печь. В середине комнаты стоял стол, а вдоль стен располагались лавки, на одной из которых и спала дочь Людоты Русава. Лучик скользнул по этой нехитрой мебели

и уткнулся ей в лицо. Но даже от этого неяркого света она поморщилась и открыла глаза.

Она прислушалась. До неё доносились редкие глухие звуки: ух, ух, ух... – это её отец Людота со своим младшим братом Деяном работали в кузнице. Частота ударов изменилась: теперь раздавалось «ух», а затем «тюк-тюк», «ух, тюк-тюк».

В свои шесть лет Русава любила утром подольше понежиться в постели, но поняла – надо вставать. Она побежала в огород, где её мать Млава рыхлила грядки.

– Проснулась, егоза?

Вместо ответа Русава просто кивнула головой и спросила:

– Тебе помочь?

– Я уже заканчиваю. Иди лучше посмотри: кто там пришёл?

Действительно, удары прекратились, и стало необычайно тихо. Русава побежала к кузнице, по пути разгоняя всех кур, которые гуляли вокруг дома, выискивая для себя корм. Гомон птиц, разбегающихся во все стороны от Русавы, не понравился петуху, и он с грозным криком «Ко-ко-ко...», распушив крылья и вытянув вперёд голову, побежал за Русавой.

– Ай-ай, тятя! – позвала на помощь Русава.

Людота в это время обтачивал копыто коня Голуба. На крик девочки из кузницы вышел Деян, парень пятнадцати лет, и ударом ноги отогнал нахала-петуха. Русава прижалась к ноге Деяна и с опаской смотрела: не вернётся ли грозная птица? Но петух с чувством выполненного долга направился

к своему квохчущему семейству.

– Зарубить его надо – наваристая похлёбка получится. А то, смотрю, совсем дитю житья не даёт, – молвил Голуб.

– Хороший петух: ворон отгоняет – цыплята целы, и кур исправно топчет. Но ты наверно прав, он и за Млавой иногда гоняется. Раз взлетел и пытался даже ей на голову сесть, а меня и Деяна боится.

Деян улыбнулся и опять вошел в кузницу. Кузница стояла в тени большого вяза в саженях тридцати от дома, и была раза в полтора больше его. Она была построена из дерева и обмазана глиной. В кузнице рядом с входной дверью находилась наковальня, чтобы хоть как-то обдувались прохладным воздухом работающие с горячим металлом. Рядом с наковальней хранились инструменты Людоты: разного вида клещи, кувалда, молотки, зубила. Подальше от двери была печь, в которой нагревался обрабатываемый металл.

– Ну что, Голуб, готово. Забирай коня.

– Храни тебя Дажьбог. Как уберу урожай – расплачусь с тобой. Глянь, Людота, всадники.

Вдоль реки, приближаясь к жилью Людоты, скакали три всадника: двое были впереди, а один сзади, всё более и более отставая от них. Уже было видно, как он неуверенно держится в седле. Всадники приближались. Голуб, присмотревшись, молвил:

– Хазары.

Людота поправил:

– Савиры.

– Одна нечисть.

– Деян! – обернувшись, крикнул Людота брату. – А ну-ка приготовь мой меч.

Встревоженная, подошла Млава.

– Возьми дочь и иди в хату. Ну что там, Деян?

Из кузницы вышел Деян с мечом, копьём и топором. Меч он отдал Людоте, себе оставил копьё, а Голубу отдал топор.

Всадники, не обращая внимания на стоявших людей, промчались мимо, а отставший, видимо уже силы совсем оставили его, недалеко от кузницы упал в траву.

– Ну что, пойдём, посмотрим? – предложил Голуб.

Людота направился к упавшему всаднику, а за ним двинулись Деян и Голуб. На траве лежал человек средних лет довольно высокий и с широкой костью. Из-под шапки сзади болтались несколько косичек. Он лежал, смотрел на приближающихся людей, и на лице у него не проявлялись никакие эмоции: ни радость, ни страх.

– Да, это не хазарин. Хазары мельче, да и кость у них тонкая, – заметил Голуб. – Ну чего лежишь, вставай.

– Подожди, Голуб. Не видишь – раненый он. Что случилось? – обратился Людота к савиру.

Подошла Млава и принесла в кринке воды.

– Подожди, не давай, – остановил её Людота.

– Ведь тоже человек, – возразила Млава.

– Я не о том. Надо вначале осмотреть куда ранен и пере-

вязать.

– Не надо, – еле проговорил савир. – Аравы напали. Их много, и много наших побили. Сюда идут. А мне уже не жить.

– Ничего, сейчас перевяжем. Деян, давай перенесём его.

Людота с Деяном взяли раненого и перенесли его в тень кузницы. Людота начал раздевать савира и увидел, что в груди у него большая рана, оставленная, судя по всему, от удара копья. Кровь на ране уже запеклась, но вокруг неё была большая опухоль. Людота взглянул на Голуба и покачал головой: мол, ничего уже сделать нельзя. И потом добавил:

– Как решат боги.

Голуб согласно кивнул головой.

Деян спросил:

– А кто такие аравы?

– А кто их знает, – пожал плечами Людота. – Наверно сильное племя, что смогло хазаров побить¹.

– Так это же савир.

¹ В 737 г. арабские войска на Кавказе возглавил брат халифа Марван ибн Мухаммед. Он двинул против хазар огромную армию из арабов и дружин союзных кавказских князей численностью в 120-150 тысяч человек. Столица хазар – Семендер пал; каган с 40-тысячной армией бежал на север. Преследуя его, Марван двинулся дальше, в земли «сакалиба» ("славян") и других «неверных». Согласно арабскому историку аль-Куфи (ум. в 926 г.), войска Марвана дошли до «Славянской реки». Надо полагать, славяне встретили арабов неприветливо, поскольку Марвану пришлось прибегнуть к тактике «выжженной земли». Чтобы подавить сопротивление, он учинил настоящий погром славянских поселений: разрушил 20 000 домов и увел в рабство 20 000 семейств.

– Савиры подвластны хазарам.

– Людота, я думаю – большая беда идёт. Может бросить всё и уехать? – предложил Голуб.

– Не знаю. Обычно степняки дерутся между собой – всё земли им мало, а нас не трогают, им всем хлеб нужен. Сами же они его сеять не будут?

– Всё правильно, но чувствую я что-то нехорошее – большую беду чую. Я, наверное, спрячусь в плавнях.

– Ты дело говоришь. Млава, собирайся – переждём беду.

Голуб отдал топор Деяну, вскочил на коня и галопом помчался к своему дому, который находился недалеко от реки, заросшей густыми зарослями камыша.

Подскакав к своему дому, он в двух словах объяснил своей жене Чеславе о надвигающейся опасности.

– Древан, – обратился Голуб к сыну. – Быстро приведи корову. Мазыря, посади детей в телегу.

Древан – мальчик восьми лет, кивнул головой и бегом помчался за пасущейся за домом коровой, а Мазыря – девочка шести лет, послушно взяв за руки младшего брата Бажена и совсем маленькую сестрёнку Смирену, повела их к телеге. Смирена захныкала, начала вырывать руку. Мазыря, успокаивая её, что-то начала ей шептать на ухо, а сама продолжала вести детей.

Чеслава быстро собирала необходимые вещи, а Голуб относил их в телегу. Не забыл положить копье и лук со стрелами, несколько мешков с зерном. Голуб укладывал вещи,

а сам всё поглядывал в сторону дома Людоты, туда, откуда прискакали савиры, откуда могла прийти опасность.

Появился Древан с коровой, за которой брёл телёнок. Голуб привязал корову к задку телеги.

– А свинья-то, свинью надо взять, – запричитала Чеслава.

– Куда свинью-то? Вот, дура-баба, – детей спасать надо, – оборвал её Голуб.

– Ой, котёл большой забыли.

Вдали начал подниматься дым от пожара.

– Всё, не успеем. А ну все в телегу, живо!

Убедившись, что дети и жена сели, Голуб тронул коня, а сам побежал сбоку. Чеслава сидела в телеге среди нехитрого своего скарба, прижимала к себе младших детей, которые ещё не понимали надвигающую опасность, но, видя озабоченные лица родителей, испуганно тарасили глазёнки по сторонам. Древан на правах старшего сына не подавал вида, что ему тоже тревожно, но изредка оглядывался назад. Когда стали подъезжать к балке, сплошь заросшей высокими кустами, он первый и заметил далеко сзади множество всадников.

– Тятя, смотри!

Голуб оглянулся, впрыгнул в телегу, стеганул коня концами вожжей и повернул его с дороги в кусты в сторону реки. Через некоторое время кусты закончились и начались высокие, густые камыши. Голуб спрыгнул с телеги, показал Деяну куда править, а сам попытался скрыть следы от колёс,

поднимая помятый камыш, который рос выше человеческого роста, и Голуб надеялся, что издалека их не заметят.

Он притаился и сквозь листву смотрел на появившихся из-за бугра всадников. Передовые были на лошадях и рысью проехали мимо зарослей, где притаился Голуб. Потом появились всадники на неведомых животных. Ростом животное превосходило самую крупную лошадь, было покрыто густой красновато-серой шерстью, и, что самое удивительное, оно имело горб. От удивления у Голуба непроизвольно открылся рот. На каждом животном сидело по два всадника². Первый был с копьем и держал поводья. У второго Голуб заметил лук со стрелами, меч и щит. Животные шли размашистым шагом, и скоро все всадники скрылись из глаз, не заметив скрывшихся в камышах беглецов.

Голуб по следам мятого камыша нашёл телегу с ожидавшими его женой и детьми. Телега заехала в воду по самые ступицы. Конь и корова с телёнком тоже стояли в воде и отмахивались хвостами от надоедливых слепней. Дети и Чеслава сидели в телеге, и старшие, сорвав по веточке, тоже отмахивались. На немой вопрос жены Голуб ответил:

– Мимо проехали, дождёмся темноты и тоже двинемся. На полуночь поедем, к одноплеменникам.

Чеслава молча кивнула головой, прижала к себе детей.

² Кавалерия в арабском войске по своей численности в несколько раз уступала пехоте – приобрести и содержать коня мог далеко не каждый араб. Для ускорения переброски пехоты обычно использовались верблюды или лошади. Высокая подвижность была особенностью арабского войска.

Людота, сразу, как только ускакал от него Голуб, начал тоже собираться. Деян привёл из конюшни двух коней. Одного коня он запряг в телегу, а другого просто привязал к ней за повод. Людота в это время погрузил в телегу весь свой инструмент из кузницы и только хотел помочь Русаве переносить узлы с вещами, как увидел, что появившиеся всадники начали спрыгивать со своих коней и забегать в дома соседей, вначале далеко, а потом все ближе и ближе.

– Опоздали, – скрипнул зубами Людота.

Забежав в кузницу, он схватил не успевшую погаснуть головню и, выбежав на улицу, бросил её на крышу кузницы, покрытую вначале тёсом, а сверху соломой. Сухая солома вспыхнула, а вместе с ней и кузница. Людота обнажил свой меч, толкнул дочь и жену в дом и стал перед дверью, дожидаясь врага. Сзади в дверях встал с копьём Деян.

Передовая тысяча Саадет ибн Юсуфа стремительно подошла к селению Людоты. Выделив одну сотню под началом Баят аль-Джафара на захват селения, а остальные он отправил дальше. Сотня рассыпалась по селению. Воины врываются в дома, вязали сопротивлявшихся пленных, искали что-либо ценное. При возникновении какого-либо сопротивления сотник одним движением руки направлял туда подмогу. Быстро захватить селение не получалось, – сопротивление было ожесточенным. Противник, хоть и был разрознен, но оказался крепким орешком. Сотник смотрел на сопротивлявшихся: его воинам противостояли довольно высокие,

широкоплечие люди. В их сопротивлении сквозила такая мощь, что арабам приходилось довольно не сладко. Если бы они были в строю, то не известно смогли бы арабы победить. Уже появились первые потери, погибали, но не сдавались и противники. И всё-таки очаги сопротивления начали угасать: противник то погибал, то его ранили или оглушили, то, обезоружив, связывали.

В одном месте произошла заминка. У самого пожара, где горело какое-то строение, у воинов Аллаха никак не получалось победить высокого, молодого воина, одетого в простую белую рубашку. Он наносил страшные рубящие удары, от которых у некоторых воинов тупились мечи, а некоторые мечи просто перерубались. Было уже несколько убитых, и поэтому воины попытались достать его копьём, но одним взмахом меча древки копей перерубались. Сзади противника в белой рубашке страховал совсем ещё молодой юноша, тыкая своим копьём в приближавшихся арабов.

Баят аль-Джафар побледнел. Его не испугала эта затянувшаяся схватка с двумя противниками: он увидел, что за всем этим наблюдает невесть как появившийся Саадет ибн Юсуф. Рядом с ним, но чуть сзади находился его личный толмач Барух, а ещё сзади сорок человек воинов, являющимися у тысячника одновременно связными и охраной.

Баят аль-Джафар повернул коня и подъехал, склоня голову, к Саадет ибн Юсуфу.

– Скажи мне, Баят аль-Джафар, твои воины разучились

воевать? – не повернув головы к подъехавшему, спросил Саадет ибн Юсуф.

Пока Баят аль-Джафар пытался что-то объяснить, Барух тронул коня, подъехал поближе к месту схватки. От его глаза не ускользнула уникальность меча Людоты. Он подъехал к телеге и осмотрел поклажу, инструмент кузнеца, поглядел на горящее здание, на бившихся воинов и вернулся обратно на прежнее место.

– Закидайте его стрелами, – не слушая оправдания Баят аль-Джафара, сквозь зубы промолвил Саадет ибн Юсуф.

– Позволь мне дать тебе совет, достопочтимый Саадет ибн Юсуф, – встрял в разговор Барух.

– Я думал, что у меня есть толмач, а оказывается, появился советник, – зло ощерился Саадет ибн Юсуф.

– Ты не так меня понял, высокочтимый Саадет ибн Юсуф! Позволь в оправдание неправильно сказанной мысли вручить тебе этот перстень, – и Барух протянул ему золотой перстень с большим изумрудом.

Саадет ибн Юсуф поднял руку, останавливая уже готового выполнять приказание Баят аль-Джафара, взял перстень, хмыкнул и сквозь зубы процедил:

– Говори.

– Мне кажется, несравненный Саадет ибн Юсуф, их нужно взять живыми. Из них получатся сильные рабы.

От этой лести Саадет ибн Юсуф поморщился, огляделся, подозвал двоих из своей охраны, и, показав на соседнем дво-

ре сушившуюся рыбацкую сеть, приказал:

– В колодку его, и присоедините их к моему полону, – он повернул коня и поехал прочь.

Тень озабоченности промелькнула на лице Баруха. Два оставшихся всадника из охраны Саадет ибн Юсуфа развернули рыбацкую сеть и на полном скаку набросили ее на Людоту. Людота попытался выбраться из опутавшей его сети, но быстро это не получилось. Этой паузой воспользовались арабы. Несколько человек набросились на Людоту и повалили его на землю, а у Деяна, отобрав копье, в кровь разбили лицо. После этого на шею Людоте надели тяжёлую колодку и бросили его в его же телегу.

Барух подъехал к арабским воинам, показал на меч Людоты, и тоном, не терпящим возражений, произнёс:

– Саадет ибн Юсуф приказал передать ему этот меч.

Воины беспрекословно подняли меч Людоты и передали его Баруху. Отъехав подальше от места сражения, он оглянулся, и, увидев, что за ним никто не наблюдает, спрятал меч в притороченный к седлу мешок.

– Теперь можно ехать к Саадет ибн Юсуфу, – довольно усмехнулся про себя Барух.

Один из воинов отвязал от телеги коня Людоты и сел на него. Конь, непривычный к чужому седаку, повернул голову, пытаясь схватить зубами всадника. Другие вытащили из дома плачущих Млаву и Русаву и посадили их в телегу; затем загрузили на неё оставшиеся узлы, вывели из хлева корову

с телком. Телка тут же закололи и начали сдирать шкуру, а корову привязали к телеге, и, вручив вожжи Деяну, показали направление: куда надо ехать.

Деян тронул коня и поехал в указанном направлении, а что ему ещё оставалось делать? Тяжёлая колодка сильно давила на плечи и шею Людоты. Он сидел в телеге и держался за её борта. Млава разложила узлы, чтобы Людота мог прилечь, и колодка ему не мешала. Он прилёг на узлы и в таком полулежачем положении смотрел на окружающее.

Вокруг сновали пешие и конные арабы. Сопротивление заканчивалось. Кое-где лежали убитые арабы и северяне. Некоторых он узнавал, других не смог рассмотреть. Людота заметил, что они не остались без присмотра, – их сопровождали несколько арабов. Один из них с большим тюрбаном на голове уверенно держался в седле и иногда встречным воинам отдавал какие-то команды на своем гортанном языке. Тогда арабы выводили пленников и гружёные телеги, пригоняли скот, – одним словом, обоз понемногу пополнялся.

– Брат, смотри, – Деян указал на дом Вышемира, мимо которого они проезжали, и невольно остановил коня.

Крыша дома горела. Арабы попрятались, и из-за укрытий изредка в горящий дом пускали несколько стрел, тогда из пылающей хаты тоже вылетали стрелы. Около горящего дома, прижимая к себе троих детей, беззвучно что-то шепча губами и белая как мел, стояла жена Вышемира Невея. Наконец крыша дома рухнула, похоронив её мужа, и вверх взви-

лось множество искр. Невея громко вскрикнула и, зарыдав, упала на колени.

– Деян, приведи Невею с детьми, – распорядился Людота.

Деян подошёл к Невее, с трудом поднял её и повёл к телеге. Ухватив мать за подол, за ней пошли двое самых младших, а старший Станята продолжал стоять и смотреть на горящие развалины.

– Станята, иди сюда, – крикнул Людота.

Мальчик медленно отвернулся от догорающего дома и также медленно пошёл. И только когда забрался в переполненную телегу, уткнулся носом в руку Людоте и тихо заплакал.

Подскакал крикливый араб, что-то громко начал кричать, поднимая вверх свою плётку и грозя ей. Все молчали и смотрели на кричащего араба. Под конец он поднял плеть, ударил ею Людоту и ускакал. Удар пришелся по колодке и Людоту не задел. Деян взялся за узду и потянул коня с телегой за собой.

Обоз вышел из разрушенного и разграбленного селения в чистое поле. Людота огляделся и прикинул, что всего выживших осталось человек шестьдесят, включая детей. Взрослых мужчин осталось мало. Одни, как и Людота были в колодках, другие – раненые, лежали в телегах, третьи шли рядом с телегами, но таких было совсем единицы. Обоз охраняли пять конных арабов. Один из них ехал впереди, показывая дорогу, другой – в середине обоза, а остальные, во главе с крикливым арабом, сзади подгоняли отстававших, иногда стегая

их плетью.

От впереди идущих телег отстал Богуш и подошёл к полужающему в телеге Людоте.

– Ну что, Людота, горько?

– Горько, Богуш. Тебя как захватили?

– В поле работал. Коня отобрали, теперь вот пешком.

Богушу уже было далеко за тридцать, и поэтому Людота, как к старшему, обратился к нему за советом:

– Что делать-то будем? Их пятеро, может все набросимся и того?..

– С голыми руками и в колодках? Без колодок раненые и молодые, как Деян, или старики. Побьют нас, да и подмога им скоро придёт, вон вокруг как шныряют. Детей много, спасти их надо. Я смотрю: инструмент свой сохранил, вот и сделаешь нам оружие, – и, помолчав, добавил: – Потом.

К середине дня догнали большую группу таких же пленных, движущихся на юг вдоль реки. Пленников передали другим охранникам, и крикливый араб со своими воинами ускакал.

Спереди, сзади, слева, справа – везде шли люди, скрипели не смазанные колеса телег, брёл скот, мычали коровы. Пыль стояла в воздухе, и дышать было тяжело. Каждый стремился выйти из середины скопления людей и идти сбоку, где пыли было меньше, и поэтому в движении телег и людей было что-то хаотичное, и когда колонна с пленниками становилась слишком широкой, немногочисленные охранники сго-

няли слишком отошедших обратно. В этой пыли не замечали, когда к колонне пленных присоединялись новые. В очередной раз, когда Деян вывел телегу из пыльного облака, Людота не увидел ни начала, ни конца колонны.

Понемногу Деян приноровился и, каким-то образом маневрируя, стал чаще вести лошадь с телегой сбоку от колонны, где пыли было всё-таки меньше.

Сбоку колонны недалеко от ведущего коня Деяна ехал пожилой араб. Казалось, что ему вообще нет дела до пленных. Он сидел на своей лошади и всю дорогу заунывно то ли стонал, то ли напевал. И только когда кто-то очень далеко отходил от колонны, он неторопливо подъезжал к нарушителю и теснил своей лошадью его до тех пор, пока он не возвращался к пленникам. А такие нарушители все время появлялись, так как для того, чтобы справить свою нужду, они отъезжали в сторону, и люди старались поскорей сделать свое дело, спрятавшись за телегой. Это араба не смущало, и он, не глядя ни на что, сгонял людей опять в кучу, а затем опять начинал петь. Через некоторое время путь колонны изменился, и пленники покинули берег реки и направились в степь.

Солнце давно уже перевалило за полдень, но продолжало всё также нещадно палить своими лучами. Устало вытирая пот с осунувшегося посеревшего от пыли лица, Деян уныло вёл за собой коня среди таких же пленников. Знакомые односельчане уже давно затерялись в этом сумбурном столпотворении людей, телег и скота. Млава и Невея, чтобы облег-

читать работу коню, уже давно слезли с телеги и шли рядом. Станята сидел на облучке и держал вожжи. В телеге, прижавшись к Людоте и устав от равномерного покачивания, спали Русава и двое несмышлёнышей Невеи. Они даже не просыпались от непрерывного мычания привязанной коровы.

– Деян, корова мучается – подоить бы, – попросила Млава.

Деян огляделся. Пожилого охранника рядом не было. Он немного отъехал в сторону, где почти не было пыли, и остановился. Млава протёрла вымя коровы, и струи живительной влаги ударили по дну ведра. По примеру Млавы некоторые тоже начали останавливаться.

Подъехал пожилой араб и начал что-то говорить, показывая в направлении движения. Деян усмехнулся и с улыбкой обратился к нему:

– Ты что, коровья лепёшка, не понимаешь, что скотина мучается? Ты, кобель блошастый, пойми, ей помочь надо, надо подоить.

– Деян, не дразни его, – попросил Людота.

– Да он всё равно ничего не понимает, – так же с улыбкой продолжил Деян. – Молочка подоим, попьём, нам легче будет, быстрее пойдём. Понял, вошь безногая?

Араб смотрел на улыбающееся лицо Деяна, на корову, которую доила Млава, и, как будто понимая его слова, тоже улыбнулся и закивал головой. Араб сидел на коне и, улыбаясь, смотрел, как дети пьют молоко, на хлопочущих женщин

вокруг них.

Из облака пыли появились два арабских конника и, подскакав к пожилому арабу, что-то прокричали. Один из них ударил его плёткой по спине. От удара араб только съёжился и продолжал молча смотреть на кричавшего.

Людота покачал головой:

– Смотри, Деян, такой же раб, как и мы.

– Похоже на то.

Ещё что-то прокричав, эти двое начали разгонять остановившихся. Русава крынкой зачерпнула молоко из ведра, подбежала к пожилому арабу и протянула кринку ему. Араб удивлённо посмотрел на неё, слез с коня и, медленно смакуя, всё выпил. Прижав руку к груди, он вернул кринку и что-то сказал по-арабски. Русава засмушалась и убежала. И опять все тронулись в путь.

Араб, сгорбившись, ехал недалеко, изредка поглядывая на Деяна, ведущего коня, на Людоту в колодке, на сидевших в телеге детей, на идущих рядом. Он уже не пел свою песню. Спустя некоторое время Деян его уже не заметил: то ли отстал, то ли уехал вперед.

Солнце стало клониться к закату, когда подъехали к маленькой, сильно заросшей кустами речке. Деян распряг коня, отвязал от телеги корову. Скотина, почуяв близость воды, упрямо тянулась к ней.

– Сразу пить не давай, а то загубишь, – напомнил Людота.

Деян в ответ кивнул головой:

– Если так будем идти от ночи до ночи, точно загубим скотину.

Вода в реке от множества зашедших на водопой животных была мутная, и Млава, расспросив соседей, принесла откуда-то родниковую воду, и вскоре уже на костре варилась пшённая каша.

Давно уже стемнело. Вдоль речки по обоим берегам светилось множество костров. Людота и не мог себе представить, что неведомые арабы, разбив войско до сих пор непобедимых хазар, дойдут до земли северян и захватят столько полона.

– Людота, смотри! – Деян показал рукой.

Среди костров пожилой араб вёл на поводу своего коня и внимательно всматривался в лица.

– Эй, паук блохастый, кого ищешь?

– Ну, зачем ты так, Деян? – упрекнула Млава.

Араб услышал крик Деяна и, улыбаясь, подошёл к ним. Рассмотрев в бликах костра Русаву, он присел и протянул ей свисток, сделанный из ветки дерева. Араб дунул в свисток и опять протянул Русаве. Русава взяла свисток и дунула, – раздался свист. Русава засмеялась, араб тоже заулыбался и погладил Русаву по голове, затем повернулся к Станяте и тоже протянул ему свисток.

Станята спрятал руки за спиной.

– Возьми, Станята. От чистого сердца дает, – сказал Людота.

Станята, набычавшись, взял свисток. Араб довольный улыбался.

– Каша готова, садитесь все. Арава пригласите, – предложила Млава.

Арабу дали ложку, и все сели кругом около котелка с кашей и начали по очереди из него черпать ложками. Людоту кормила Млава, так как колодка ему мешала есть самому.

После еды женщины уложили детей спать в телегу, а Деян и араб отошли в сторону и пытались между собой пообщаться, но правда больше жестами. Людота прилёг на траву возле телеги и молча смотрел в чёрное небо, усыпанное бесчисленными звездами. Наконец подошёл Деян и прилег рядом.

– Спишь, Людота?

– Нет, а что?

– Вот день и прошёл. Что нас ожидает завтра? Опять нескончаемая дорога, опять пыль. И всё дальше мы от родных мест. Вернемся ли?

– Должны вернуться. Надо сделать всё, чтобы вернуться. Дети не должны жить рабами.

– А что надо сделать?

– Пока не знаю. Спи! Завтра наступит утро, и опять будет трудный день.

Глава 2

(737 г. от Р.Х.)

Саадет ибн Юсуф смотрел на небольшой град сакалибов,

и его всё больше охватывало раздражение. До этого его воины без особых хлопот захватывали все их селения, но здесь впервые встретился укреплённый град. Да, были потери, но таких ещё не было. Саадет брал города с высокими каменными стенами, достигавших в высоту роста нескольких человек, а здесь ему противостоял небольшой град, стоящий на берегу реки и окружённый глубоким рвом и валом, поверх которого шла деревянная стена высотой в два человеческих роста. К стене впритык построены были жилища, и на их крышах находились вооружённые сакалибы и отбивали штурм воинов Аллаха.

Саадета раздражало не это убогое селение, а то, что его воины встретили ожесточённое сопротивление. Стрелы сакалибов точно также находили цель, их мечи также разили противника. И хотя на взгляд Саадета их было сто – сто пятьдесят человек, тысяча Саадета таяла на глазах.

Саадет обернулся. Сзади находилась его охрана. Чуть поодаль на коне сидел Барух. Вдали у кустов, растущих у реки, находились лошади и верблюды арабов.

Саадет взглядом позвал одного из охраны:

– Позови Баята аль-Джафара и затем отправляйся к Марвану ибн Мухаммеду. Скажи ему так: Саадет ибн Юсуф встретил укреплённый город сакалибов, большие потери. От тысячи осталось человек четыреста, прошу помощи. Иди.

Подъехал Баят аль-Джафар и склонил голову. Вид его был усталый. На его доспехах видны были вмятины от удара ме-

ЧОМ.

– Приготовьте земляное масло и сожгите их.

Баят аль-Джафар ускакал.

Через некоторое время на стену, защищающее селение, и крыши домов сакалибов полетели горшки с горючей жидкостью и горящие стрелы. Стены и дома враз запылали. Внутри селения началась суeta. Саадет ибн Юсуф злорадно улыбнулся, – сакалибы не смогли потушить возникшие пожары. Вдруг горящие ворота крепости упали, и через огонь выбежали вооружённые сакалибы. Среди них не было ни женщин, ни детей. Они выстроились плотным строем и, защищаясь большими, окованными железом щитами, начали отступать к реке. Их было человек восемьдесят. Арабы бросились на них, но их длинные копья также умеючи разили противников, а из-за строя воинов летели стрелы. Но и стрелы арабов доставали сакалибов, и видно было, как то один, то другой падает раненым или убитым.

У самой воды осталось человек пять сакалибов, и только они сдерживали натиск арабов, а остальные бросились в воду и пропали.

Саадет подозвал Баруха:

– Что ты думаешь по этому поводу? Где женщины и дети?

– Я думаю, что это опасный противник. Они решили утопиться, но не сдать. А женщины и дети, я полагаю, сгорели в огне. Если так нас будут встречать дальше, то нам придётся не сладко.

Саадет недовольно дернул плечом.

– Ты спросил, я ответил, – смиренно произнёс Барух.

Арабы окружили оставшихся на берегу сакалибов, и после яростной сечи в живых остался только один. Его подвели к Саадету ибн Юсуфу. Перед ним стоял высокий широкоплечий мужчина лет сорока. На голове и в бороде проглядывали седые волосы. Его кольчуга была пробита в нескольких местах, но ран не было видно. Он без испуга смотрел на Саадета.

– Скажи мне, где ещё селения сакалибов, как далеко они, сколько в них жителей?

Барух старательно переводил.

– Селений много, куда не направишь свой путь, и все жители до одного ждут тебя, каган, и встретят, как встретили здесь.

Саадет, услышав слово «каган», не дал перевести полностью ответ сакалиба и спросил Баруха:

– Он сказал «каган», что, хазары недалеко?

– Нет, несравненный Саадет ибн Юсуф, это он величал так тебя. Позволь, я продолжу.

Саадет недовольно поморщился, услышав ответ сакалиба.

– Свяжите его.

– Позволь попросить тебя, о великий Саадет ибн Юсуф, – Барух повернулся к Саадету.

Саадет удивленно поднял брови:

– Говори.

– Мне понравился один молодой юноша из твоего полона.

Продай его и его семью мне.

– Зачем он тебе?

– Ненасытная любовная страсть, – засмутился Барух. – Ты знаешь, мне так нравятся молоденькие мальчики.

Саадет брезгливо поморщился:

– Не лги мне, Барух. У тебя недавно умерла жена, и я не слышал, что тебе нравятся такие утехы. А это, случайно, не семья того человека, за которого ты просил, чтобы ему оставили жизнь?

Что-то, наверное, пробежало по лицу Баруха, и Саадет продолжил:

– Интересно, надо на него посмотреть. Чем же заинтересовал он тебя, Барух, что ты даже не пожалел этот перстень? – и Саадет показал руку с надетым на палец перстнем с изумрудом.

Барух на миг растерялся:

– Но, славный Саадет...

Но Саадет, не дослушав, повернул коня и проехал чуть вперёд. Он в одиночестве глядел на догорающее селение. Брёвна стен, дотлевая, падали, и вверх поднималось множество искр. От пылающих домов поднимался чёрный дым, который был виден издалека. Саадет понимал, что теперь у него нет преимущества в неожиданном нападении, и скорость передвижения по земле врага существенно замедлится. Если такими темпами и с такими жертвами придётся

брать все оставшиеся селения сакалибов, то что останется от войска? Воины, которые презирают смерть и готовы утопиться, но не сдаться врагу, готовые сжечь своих отцов и матерей, жён и детей, но не попасть в рабство, слишком опасны. А там ещё скрывшаяся конница хазар. А что, если сакалибы успеют собрать войско, то их будет уже не сотни, а тысячи.

Саадет повернул коня:

– Мы возвращаемся.

Через некоторое время вокруг горящего селения всё опустело, и только слышалось потрескивание тлеющих брёвен. Арабы забрали своих убитых и раненых и ушли.

Среди редкого камыша торчащая из воды тростинка начала неспешно расти вверх, а вслед за ней, стараясь не создать волны, показалась голова воина. Он держал во рту тростинку и всё время, пока был под водой, дышал через неё. Не заметив опасности, он осторожно выбрался на берег и огляделся: врагов не было, селение догорало. Воин вернулся в воду и похлопал ладонью по воде определённым стуком. Из реки начали появляться головы уцелевших воинов. Все выбрались на берег и поспешили к удалённому месту вала. Крючьями растащили пылающие головёшки и потушили водой угли. Затем стали копать землю, пока не показалась деревянная крышка люка. Из-под крышки люка выглянули испуганные женские и детские лица. Все вздохнули с облегчением: жизнь продолжается.

* * *

Брат халифа Марван ибн Мухаммед сидел на подушках внутри большого шатра и, прищутив глаза, смотрел на своих эмиров. Повышенным тоном, отрывисто он бросал им слова:

– Ну и где хазары? Где каган? Вы обещали мне принести его голову на блюде. Вы упустили победу. Мы разбили их войско, но остатки ушли вместе с каганом. Где он? Может, он уже набрал новых воинов и собирается напасть на нас. Ну, кто скажет, где он? Не знаете? Вы разучились воевать. Мы захватили столицу хазар Семендер, а толку? Мы дошли до реки Танаис до каких-то сакалибов, а кагана нет. И что мне докладывают? А докладывают, что мои тысячи несут потери.

Марван встал и подошёл к своим эмирам и начал по очереди каждому смотреть им в глаза.

– Куда делось наше преимущество в быстроте передвижения, в быстроте перегруппировки, в неожиданности ударов? Ну, кто мне ответит? Молчите? Где моя передовая тысяча? Что там Саадет ибн Юсуф делает? У меня такое ощущение, что он забыл как воевать и уже ласкает своих жён в своём гареме.

– Саадет ибн Юсуф здесь, у твоего шатра, о высокочтимый!

– Почему он здесь? Я не давал приказа отходить, – Марван ещё раз оглядел своих эмиров и вернулся на свое место. – Ладно, пусть войдёт.

Вошёл Саадет ибн Юсуф и, прислонив руку к груди, склонил голову.

– Я приветствую тебя, мой повелитель.

– А-а, Саадет. Скажи мне: где каган? Что происходит? Ты эмир моей передовой тысячи, ты, мои глаза и уши, отступил без приказа. Ты помнишь, какое наказание ждёт тебя? Почему ты здесь?

– Повелитель, испугавшись твоего могущества, хазары скрылись. Степь обширна, и мы не сумели их догнать. Нас задержали сакалибы. Мы захватили множество их селений. Мы разрушили двадцать тысяч домов. Мы захватили двадцать тысяч семейств. У нас закончились колодки, чтобы усмирять особо строптивых. Селения были не укреплены, но там нас встретили мужественные воины. Они умирают, но не сдаются. У нас много погибших. В последнем бою уже у укрепленного селения сакалибов от моей тысячи осталось почти триста воинов. Мы захватили их предводителя.

Марван ибн Мухаммед внимательно посмотрел на Саадет ибн Юсуфа и, подумав, произнес:

– Сакалибы... Я хочу видеть пленника. Приведите его.

– Будет исполнено.

Саадет ибн Юсуф вышел из шатра. Через некоторое время он вернулся обратно. Вместе с ним вошёл Барух, а затем привели высокого широкоплечего воина в кольчуге. Руки у него были связаны. Он гордо смотрел на окружающих, и в его поведении не наблюдалось испуга.

Марван приблизился к нему и внимательно осмотрел пленного. Пленный был выше всех окружающих. Он снис-

ходительно смотрел на Марвана и улыбался. В нём самом и в его поведении чувствовалась несокрушимая сила и уверенность.

– Как твоё имя?

Барух незаметно подошёл поближе и перевёл слова Марвана.

– Кресислав.

– Ну и где же ваши хозяева – хазары?

– У нас нет хозяев, а хазар мы били и бьём. Где они – я не знаю. Земля большая.

– Сколько воинов может выставить твоё племя?

– У нас каждый мужчина – воин. Тысяч двадцать, думаю, можем сразу собрать. Люди нашего племени живут на большой территории. Через некоторое время можем собрать и больше. А если к соседним племенам за помощью пошлём, то и сосчитать трудно будет.

– А почему ты думаешь, что они придут вам на помощь?

– Мы говорим с ними на одном языке и всегда приходим на помощь друг другу.

– А какие соседние племена?

– Поляне, древляне, тиверцы, уличи, бужане, дреговичи, словене и другие.

Марван задумчиво посмотрел на говорившего. Кресислав стоял, гордо расправив плечи, и улыбался.

– Чему ты радуешься? Тебя скоро казнят.

– Все на этом свете не вечны, и наши боги ждут нас. А

радуюсь я тому, что вам не досталась моя семья, мои родичи. Радуюсь я тому, что много вас уложил. Радуюсь я тому, что вы все меня боитесь. Вон вас сколько, а я связан.

Саадет ибн Юсуф вскипел и обнажил меч:

– Повелитель, позволь я отсеку ему голову.

Марван поднял руку и остановил его.

– Ты дерзок, и ты ищешь лёгкую смерть. А ты не лжёшь, что много уложил моих воинов?

– А ты дай мне в руки меч и увидишь.

– Дайте ему меч, посмотрим, что он за воин. Кто хочет сразиться с сакалибом?

Марван внимательно оглядел окружающих. Все промолчали.

– Мне что, самому?.. Ну что же, дайте мне меч.

– Высокородный Марван, да продлятся твои дни, – Барух согнулся в поклоне. – Мы все уверены в твоей доблести и в твоей победе над этим сакалибом. Но у нас и в мыслях нет, чтобы подвергнуть твою бесценную жизнь опасности. Как отара без пастуха, так и мы без твоей мудрости можем пропасть в этой негостеприимной стране. Позволь сразиться с этим дерзким сакалибом наименее отважному, чем благородный Марван ибн Мухаммед.

Марван с интересом посмотрел на Баруха и кивнул головой. Барух продолжил вкрадчиво:

– Мне кажется, доблестный Саадет ибн Юсуф выявил желание сразиться и уже обнажал меч, и все знают его храб-

рость и его воинское умение сражаться на мечах. Позволь ему сразиться с сакалибом.

Саадет зло взглянул на Баруха и произнёс:

– Я готов, повелитель.

Все вышли из шатра. Воины с копьями образовали круг, в который вывели Кресислава, и где его уже ждал Саадет.

Кресислава развязали и дали ему меч. Он попытался вначале размять затёкшие руки, но Саадет не дал ему этого сделать. Он сразу напал на Кресислава. Но длительного зрелища, которого надеялись все увидеть, не состоялось. Кресислав встречным ударом отбил меч нападавшего. Другим ударом выбил меч из рук Саадета, и третьим ударом рассёк ему голову. Саадет мёртвым упал на землю.

– Вот я и рассчитался за смерть погибших. Еще желающие есть?

– Убейте его, – Марван махнул рукой и зашёл в шатер.

Несколько стрел одновременно пронзили Кресислава. Он выпустил из рук меч и упал рядом с Саадетом.

Марван сидел на подушках долго думал. Окружающие молчали и только переглядывались. Наконец он поднял голову:

– Ну что думаете? Какие будут предложения?

– Даже если сакалиб и преувеличил в несколько раз, то всё равно это сила. Нужно стянуть свои войска и ударить по сакалибам, – сказал Мааруф ибн Башир.

– Зачем?

– Привести их к покорности.

– Зачем?

Мааруф ибн Башир замолчал.

– Может разослать тысячи в разные стороны, и напасть на след хазар? – предложил Ясир аль-Кабир.

– А если их перебьют как мух поодиночке? Не то, – покачал головой Марван.

Все замолчали.

– Значит так. Где хазары мы не знаем, может быть они собирают силы. Перед нами сильный противник, который нас уже ждёт и тоже собирает воинов. Наши тысячи разбросаны на большой территории. Мы далеко зашли от нашей земли. Мы скованы большим количеством пленных, и скорость передвижения наших войск упала. Есть потери, наши запасы заканчиваются. Это плохое.

Марван обвел взглядом своих эмиров и продолжил.

– Что хорошего? Хазар мы разбили, они нас боятся и в ближайшие годы не будут нас беспокоить. Земля сакалибов нам не нужна, наши верблюды здесь не выживут. У нас большой полон – это неплохо. Большую часть войска удалось сохранить – это хорошо. И ещё, мне пришло сообщение, что ромеи во Фригии разбили наше войско, и мой брат просит их наказать.

Марван замолчал, а окружающие оживились и начали между собой перешёптываться.

– Слушайте все. Мы возвращаемся. Ясир аль-Кабир, под-

бери опытного воина на место Саадет ибн Юсуфа, дополни воинами передовую тысячу. Теперь она будет прикрывать наши тылы. Обозы с пленными очень медленно движутся. Это из-за скота. Ненужный скот отобрать. Газван ибн Джабаль, направь воинов к обозам пленников, и пусть они увеличат их скорость передвижения. Мааруф ибн Башир, собери рассредоточенные тысячи вместе. Да, им будет тяжело прокормить коней, но зато увеличится скорость, и есть возможность отразить нападение хазар. Теперь главное быстро вернуться и не дать преследовать себя. Остальные возвращаются к своим воинам. И последнее: приведите ко мне этого толмача.

Привели Баруха.

– Назови мне свое имя.

– Барух, о лучезарный.

– Ты сейчас уподобился собаке, лижущей у себя под хвостом. Говори просто.

Барух с почтением склонил голову. Марван продолжал.

– Ты был в передовой тысяче. Ты видел, как сражались сакалибы. Что о них скажешь?

– Это мужественные воины, презирающие смерть. Ты видел, как сражался сакалиб. Каждый из них стоит нескольких. Когда твои воины сожгли их селение, то старики, дети и жёны сгорели заживо, а сами воины бросились в воду и утопились.

– Странное поведение. Мне кажется, что мы можем наму-

читься с этими пленными. Ну а теперь скажи мне, чем тебе не угодил Саадет ибн Юсуф, что ты захотел его гибели?

– Я не хотел гибели Саадета, я хотел спасти твою драгоценную жизнь.

– Не юли, говори правду. Или Саадет был тебе опасен, или тебе что-то было нужно, но Саадет тебе мешал. Для Саадет ибн Юсуфа ты слишком ничтожен, чтобы опасаться тебя, значит, что-то тебе нужно было от него. Что?

– Я просил у него рабов из полона.

– И только это? – Марван с презрением усмехнулся. – Ты ничтожный, но ловкий человек. Ты можешь быть сухим во время дождя, когда над тобой из укрытия ничего нет.

Барух удивленно поднял брови.

– Ты очень здорово вертишься между струйками дождя. И ты можешь быть полезен в будущем. Я дарю тебе тридцать, нет двадцать семей из полона Саадет ибн Юсуфа. А остальных отдайте его детям. Газван ибн Джабаль поможет тебе.

– Великодушный, а можно я сам отберу рабов?

– Хорошо, – согласился Марван и, махнув рукой, прогнал Баруха.

Глава 3

(737 г. от Р.Х.)

Людота потерял счёт дням в этом монотонном пути. Но и этот однообразный путь принёс уже немало бед. Не стало несмышленишей Неvei. Испепеляющая жара днём, отсут-

ствие воды и еды, прохладные ночи сказали свое слово: один за другим заболели малыши. И как не ухаживали за ними Невея и Млава, в течение двух дней они умерли. За время пути все похудели и устали, а Невея, убитая горем, совсем почернела, но даже это не спасло её от следующей беды.

Спустя два дня после потери малышей нескончаемый обоз пленников догнал отряд арабов, и они начали у всех отбирать скот. У одних скот просто угоняли, а корову Людоты здесь же недалеко прирезали и освежевали себе на прокорм. Русава со слезами смотрела, как отбирали кормилицу. Недалеко на своей лошади сидел пожилой араб и молча смотрел на воинов, зарезавших животное.

Он как-то сблизился с семьёй Людоты, на остановках вечером часто сидел около Русавы и, улыбаясь, смотрел на её игры. В течение дня, сопровождая пленных, араб на своей лошади ехал недалеко от телеги Людоты и часто перекидывался словами с Деяном. Деян, общаясь с арабом, нахватался арабских слов и как-то начал изъясняться с ним. Деян узнал, что его зовут Рахим ибн Назир. У него тоже есть дочь, такого же возраста, как и Русава. Он не воин, он – бедный пастух. Его забрали в поход, обещая по его окончании в качестве вознаграждения дать коня.

Еда заканчивалась, теперь не стало и молока, хотя от такого пути, когда остановки были только ночью, и животные могли питаться только в это время суток, корова с каждым днём давала молока всё меньше и меньше.

Все, не произнеся не слова, стояли и смотрели, как арабы разделили куски мяса коровы, разложили по своим сумкам. Среди телег сновали конные арабы, забирая скот. Один из арабов подъехал сзади к Неvei, схватил её за талию, положил поперёк седла и под улюлюканье арабов увез её. Рахим попытался остановить похитителя, но другие арабы обступили со всех сторон лошадь Рахима, и что-то пригрозив, умчались вслед. У Рахима поникли плечи, и он тронул свою лошадь и уехал.

Как только на востоке заалела заря, Людоту осторожно тронул за руку Деян:

– Людота, смотри.

Между остановившихся телег вёл на поводу свою лошадь Рахим и под руку поддерживал Неveю, которая еле шла. Млава ахнула и поспешила навстречу:

– Неveя, что с тобой?

– Ой, Млава, нутро всё болит. Ссильничали меня, проклятые. И не девка вроде, а кровь идёт. Унять бы её. Плохо мне, Млава. Прилечь бы.

Неveю аккуратно уложили в телегу. Она закрыла глаза, и только временами сквозь сжатые зубы раздавался еле слышный стон.

Млава начала хлопотать возле Неveи, а остальные отошли от телеги. Рахим сел на свою лошадь и ускакал.

К середине дня Неveя совсем обессилила.

– Млава, подойди ко мне. Знать не суждено мне... Помру

видать скоро. Станяту не бросайте, нет у него больше никого. Солнце вон темнеет, скоро корову доить...

– О чём это она? – спросил Деян.

– Уймись, бредит она, отходит видать.

– Мамадя, не умира-а-ай! – заплакал Станята.

Людота стиснул зубы и прижал мальчика к себе. К вечеру Невея умерла. Вот ещё упала на землю и растворилась в ней одна капля жизни из большого котла арабского полона. Арабы не разрешили остановиться, и похоронили Невею, только когда все остановились на ночевку.

Вечером из-за недостатка продуктов сварили немного каши.

– И тризну справить нечем, – пробормотал Людота.

Станята и Русава похудели очень сильно, но, уже понимая всю сложность положения, стойко переносили все тяготы дороги.

И опять дорога: выжженные солнцем стебли травы высотой чуть ли не в человеческий рост, а иногда и выше, или, наоборот, жухлая от солнца трава, поникшая к земле, овраги, через которые нужно перебираться, редко встречающиеся, одиноко стоящие деревья и кусты, пересохшие речушки и глубокие реки, через которые нужно переходить в брод, бугорки и широкие балки... И всюду степь, степь, степь...

* * *

Барух с Газваном ибн Джабалем и с сотней всадников подъехали к обрывистому берегу реки. Обоз с пленными на-

чинал переправляться через реку. К Газвану ибн Джабалою подскакал тысячник охраны обоза.

– Где пленные Саадет ибн Юсуфа?

– Скоро подойдут.

– Всех проведёшь мимо нас.

– Слушаюсь, – и араб ускакал.

Барух скорее почувствовал, чем узнал в этом измождённом, с колодкой на шее человеке Людоту, и чтоб развеять свои сомнения подъехал к телеге и обратился к нему по-славянски:

– Как твоё имя, уважаемый?

– Какой же я уважаемый, если я в колодках?

– Уж больно ты ... – сказал горбоносый человек и замаялся, подбирая нужное слово, чтобы не обострять разговор, – злой был.

– А разве я пришел к аравам и пытался вломиться в их дом? Я их не звал.

– Зачем сердиться? Все живы, твоя семья рядом.

– А я смотрю, ты – жидовин, а что с аравами снюхался?

– Я бедный еврей Барух, – вздохнул Барух. – Раньше жил у ромеев. Но сейчас меня наняли арабы, чтобы я был тут их толмачом. По своим торговым делам мне со многими народами пришлось сталкиваться, много языков изучить. Но из-за войны торговля пришла в упадок, а надо как-то жить. Ты не ответил мне на мой вопрос.

Людота промолчал, а потом спросил:

– А как наш язык выучил?

– Пришлось. Торговал в Македонии, к полянам ездил, у поморян даже был. И всё-таки, как твоё имя?

– Людотой всегда называли меня.

В это время телегу несколько раз качнуло, и колодка надавила на потёртую шею. Людота скривился от неприятной боли. Это заметил Барух и добавил:

– Я могу поговорить с почтенным Саадет ибн Юсуфом, чтобы с тебя сняли колодку, если ты пообещаешь вести себя смирно. Вот когда, наконец, доедем, точно так же будешь работать. Везде люди живут.

– А долго ещё ехать?

– Дней сорок, а может и больше.

– Одно жить на родине, другое – на чужбине, – помолчав, продолжил Людота. – Вот ты, Барух, почему не уехал опять к ромеям?

– Не всё так просто. Но ведь и арабам нужны люди, скажем так, с разными задатками и способностями.

– А какие у тебя задатки и способности, кроме знаний различных языков, что ты арабам стал нужен?

– Умение находить нужное решение в нужный момент.

– Непонятно ты изъяснился, Барух.

Ничего не ответил Барух, только снисходительно улыбнулся.

– И ещё я не пойму: много пленных вон бредёт, конца и края не видно, а ты всё нами интересуешься. Что тебе от нас

надо?

– Ты и твоя семья сейчас являетесь собственностью эмира Саадет ибн Юсуфа. Я хочу выкупить вас.

– А зачем мы тебе?

– Я смотрю: вон в телеге инструмент кузнеца лежит. Ты же кузнец?

– Коваль я.

– Мне понравилось, как ты сковал свой меч.

– А где он?

– У почтенного Саадет ибн Юсуфа. Так вот, я хочу, чтобы ты сковал мне сто таких мечей. Как раз по 20 мечей за каждого, и тогда я вас всех отпущу на волю.

Деян решил вмешаться:

– Ничего не получится. Такой меч мы полгода делали, а сто мечей мы лет пятьдесят делать будем, – столько не проживём.

Барух повернулся к Деяну:

– А ты что, кузнец, что можешь сроки устанавливать?

Людота удивленно посмотрел на Деяна:

– Ты не встревай. Он гравировку на мече очень хорошо делает, – пояснил Людота Баруху. – Я так не смогу, да и помощник он мне. Такой меч сделать невозможно, – продолжил Людота. – Он таким получается, когда его кует свободный человек, а не раб. В него должна войти частица духа свободного человека.

– А ты чувствуй себя свободным, ведь свободу обретешь

после изготовления мечей. Я обещаю.

– Людота усмехнулся:

– Давай на тебя колодку нацепим, и почувствуй себя свободным.

Барух еле сдержался, прошептал про себя:

– Дерзкий раб.

– И ты выкупи нас вначале у своего Юсуфа.

– У Саадет ибн Юсуфа, – поправил Барух и улыбнулся, довольный тем, что они все уже его рабы.

– Во-во, у него, – Людота заметил улыбку Баруха, догадался, что он что-то скрывает, и продолжил: – И ты слышал, что сказал мой брат? Столько сделать невозможно.

– А сколько возможно?

– А-а, пустой разговор, – махнул рукой Людота.

– А ты всё-таки подумай, – и, ударив пятками коня, Барух покинул славян.

Подъехав к Газвану ибн Джабалу, он кивнул в сторону Людоты:

– Эти будут первые из двадцати, а остальных, – на усмотрение воинов.

Газван ибн Джабаль подозвал тысячника охраны славян и кратко передал приказание Марвана ибн Мухаммеда.

Из пыли, из-за движущихся телег к Людоте подошел Богуш.

– Будьте здоровы!

– Живи и ты, Богуш. Ты куда пропал?

– Лошадь пала. Пристроились там к одним. Здесь недалеко. Ты всё в колодке?

Людота в ответ только усмехнулся.

– Что-то Невеи не видно.

– Умерла она, – Людота рассказал, что случилось с Невеей.

Богуш мотнул головой.

– Да-а. Страдают люди. Погибло много. После каждой ночи оставляем могилы, да и коней много потеряли, – сколько телег на дрова сожгли!

Немного помолчал и добавил:

– Слушай, Людота, спастись надо. Я уже с многими поговорил, готовы на всё. Воеводу Драговиста встретил. Вокруг него народ собирается.

– Драговиста? – обрадовался Людота.

– Раненый он, но духом жив. Как доедем до места, вооружимся. Тысячи четыре, а может и больше, можем выставить, а это сила. Будем пробиваться к ромеям. Они враги аравов, помогут. И ты должен помочь, оружие нужно.

– Для оружия металл нужен, а где взять? А ты уверен, что нас всех в одном месте поселят? А если врозь? – и, помолчав, добавил: – Если выживем...

– Металл достанем, нам бы только начать, а там у аравов отнимем.

Опять наступает утро, опять нескончаемая дорога, пыль, скрип не смазанных колёс, ржание лошадей, голодные гла-

за детей и усталые, тревожные глаза жены. У Людоты иногда возникала отчаянная мысль: с помощью Деяна сбить колдовку, благо инструмент был в телеге, но регулярно проезжающие арабы смотрели за порядком среди северян и такие своеволия жестоко наказывали, не щадя и семьи нарушителей. Поэтому, тревожась за жену и дочь, Людота и не мог себе позволить реализовать эту мысль.

Местность, по которой шли северяне, начала изменяться. Почти совсем не стало травы. Местами земля ярко блестела на солнце, словно припорошена инеем. Деян сбегал к такому месту и, вернувшись, сообщил:

– Представляете, это обыкновенная соль.

У Людоты возникла мысль, что над этим местом тяготеет проклятие. Но сразу же возникла и другая: чем кормить коня? Конь за время пути очень отошал: под кожей ясно проступали кости рёбер. Он уже с натугой тянул телегу. Деян, жалея его, когда поблизости не было арабов, останавливался и давал коню немного отдохнуть и собраться силами.

Ближе к вечеру подъехал Рахим и что-то прокричал Деяну.

– Говорит, что скоро солончаки кончатся, и надо ехать скорее, чтобы до темноты успеть.

– Ты уже хорошо понимаешь их говор, – раметил Людота.

– Да так, с пятое на десятое. Иногда просто догадываюсь.

Солончаки вскоре закончились, но степь была также безжизненна. Вечером остановились у россыпи камней рядом

с бегущим среди них ручьем. Рахим сбросил с лошади несколько котомок. В одной из них был овес для коня, чему Деян очень обрадовался. Из другой он достал кусок мяса и белого зерна. Такого зерна никто ещё не видел. Из третьей котомки он достал сухого навоза и быстро развёл костёр, подбрасывая его в огонь. Откуда Рахим всё это взял, – было для всех загадкой, но уже на костре варилось что-то съедобное, расточая вкусный запах различных специй, и поэтому соседи завистливо поглядывали в их сторону.

– Неплохой мужик оказался Рахим. – сказал Людота Деяну. – А всё из-за кринки молока, что дала ему Русава. Добро всегда порождает добро. И только люди, не имеющие совести и чести, не отвечают добром на добро. А как им ответить, если душа у них черства?

Деян, кивнув, согласился.

Но хорошее и плохое идут рядом рука об руку, также как любовь и ненависть, радость и горе, жизнь и смерть. Рано утром Людота проснулся, услышав крик Русавы.

Это был даже не крик, а скорее испуганный визг, от которого проснулись и соседи. Млава и Деян бросились к Русаве, и Деян принес на руках плачущую Русаву.

– Та-ам... Зме-е-я... Укуси-и-ла, – сквозь плач произнесла Русава.

– Куда? – похолодел Людота. Млава вскрикнула и начала осматривать Русаву при неярких бликах тлеющих углей. Ничего разглядеть было нельзя.

– Деян, сбивай колодку! – крикнул Людота.

Деян во тьме нащупал молоток и пробойник, и, приловчившись к замку на колодке Людоты, несколькими ударами освободил его. Людота за отсутствием топора с яростью молотком разбивал колодку. От нее отлетали щепки, и Людота бросал их на угли костра. Деян наклонился и начал его раздувать. Щепки задымились и вспыхнули. В свете костра на ноге Русавы выше щиколотки виднелись две точки от укуса змеи. Людота бросил пробойник в костер, а сам нагнулся и начал высасывать яд из ранок.

Русава начала вдруг тяжело дышать, как будто ей не хватало воздуха. Людота взял щипцами раскаленную до красна железку и прислонил ее к ранкам Русавы. Русава опять громко завизжала от боли. Сразу запахло жжёным мясом.

– Не знаю, успели ли? – покачал головой Людота.

Русава вся обмякла. Млава начала растирать ее лицо водой, но это Русаве не помогло.

– Горячая вся, – глаза Млавы источали невыносимую скорбь.

К утру Русава потеряла сознание. Утром подъехал Рахим. Узнав о произошедшем, он захлопотал, достал какие-то мази, но рассмотрев на опухшей ноге у Русавы остатки ранки от укуса змеи, которые почти спрятались в ожоге, покачал головой и начал их убирать. Деян его спросил что-то. Он ответил, и Деян поник головой:

– Надежды нет.

У Людоты перехватило дыхание от услышанной вести, а Млава закричала:

– Как нет? Что ты говоришь-то? – и после этого зарыдала. – Доня моя, донюшко-о-о...

Но что значит проблема какого-то муравья или букашки, находящихся на дороге, по которой идет путник? Как путник не замечает муравья на дороге, так и арабам не было дела до горя каких-то людей, ставших рабами. В Писании сказано: обращайтесь к врачам, ибо они мудрецы. Но какие могут быть врачи в то далёкое время, тем более среди пленённых людей, убитых одним общим горем – горем потери свободы.

Утром Барух с охранниками-арабами опять подъехал к Людоте. Людота шёл за телегой и прижимал к груди бесчувственное тело дочери. Охранник, увидев, что Людота без колodки, поднял плеть, но Барух остановил его.

– Что случилось, Людота?

– Добрые люди вначале здороваются.

Барух стиснул зубы и подумал, что трудно ему будет с этим рабом, но произнёс другое:

– Я выкупил вас у Саадат ибн Юсуфа. Обошлось мне это в немалую сумму.

– Поздравляю.

– А ты подумал, сколько можешь сделать мечей?

– Слушай, Барух. У меня дочь на последнем издыхании, а ты пристаёшь как торгаш.

– А я и есть, как вы говорите, купец.

– Могу сказать, что я согласен сделать тебе мечи, ну а сколько – поговорим потом.

– Ну и это уже хорошо. А без колодки ты уже чувствуешь себя свободным человеком?

Людота посмотрел на Баруха так, что Барух понял, что перегнул палку. Он без слов повернул коня и уехал, а к вечеру Русава умерла.

И опять дорога: пыльная или каменистая, поросшая травой или чавкающая грязью после пролитого дождя.

Местность стала меняться. Длинные долины стали обступать скалы, и дорога иногда проходила между ними, которые обступали отвесной стеной и были так высоки, что вверху синел только клочок неба, и казалось, что луч света никогда не касался в этом месте земли.

Над одинокими вершинами хребтов гор сгущались грозовые тучи. Вдали среди облаков виднелись похожие на белые сугробы снежные вершины. На голых скалах редко где увидишь какую-либо растительность. Крутые скалы прорезают многочисленные ручьи и речушки, поток которых с ревом несет влагу с вершин и ворочает камни.

Людота сидел у реки и смотрел на бурлящую воду, которая своим шумом заглушала человеческую речь, которая играючи вертела камни, да так, что они стали гладкими и почти круглыми. Краем глаза Людота увидел бегущего человека. Людота узнал в нём Рахима. Чтобы Рахим бежал, а не ехал неторопливо на своей лошади, – это Людоту одновременно

и рассмешило и насторожило.

Рахим подбежал и из-за шума реки начал что-то кричать и показывать рукой туда, откуда прибежал. Людота разобрал только два слова: Деян и Млава. Он вскочил и побежал, перепрыгивая с камня на камень. За утесом, где поток воды немного утихомиривал свою прыть, и река стала глубже, по шею в ледяной воде стояла Млава, а трое чёрных горбоносых людей, одетых в большие накидки из овечьих шкур не спеша и методично избивали Деяна. Деян по очереди отлетал от одного человека к другому, и также не спеша и методично ударом он отсылал Деяна к третьему. На пригорке, громко гогоча и отпуская какие-то реплики на своем гортанном языке, стояло еще человек шесть.

Людота подобрал здоровенный сук и бросился на избивавших Деяна. С размаха он опустил сук на голову одного, – что-то хрустнуло, но сук остался целым. Повернулся к другому и ткнул его в живот, тот согнулся пополам, и ударом ноги снизу в голову Людота добил противника. Третий противник отпрыгнул в сторону и достал из-за пояса тонкий и острый клинок, да и остальные отдельно стоявшие достали оружие и двинулись ему на помощь. Людота стоял спиной к реке и готов был пожертвовать собой ради спасения Деяна и Млавы.

Нападающие взяли Людоту и Деяна в полукруг и медленно начали обступать его. Деян от безысходности поднял камень и бросил его в одного из нападавших. Из-за утеса по-

явилось около десяти всадников, среди них был Рахим и Барух. Всадники оттеснили нападавших, а Людота помог Млаве выбраться из ледяной воды. Млава очень замёрзла, и её зубы непроизвольно стучали.

К Баруху обратился вожак этой банды:

– Мои воины участвовали в походе на хазар вместе с вами. Мы уже долго в походе и истосковались по женской ласке. Ничего не случилось бы, если мои воины немного развлеклись с этой красавицей. А этот, – головой показал на Деяна, – начал защищать её. А этот, – он показал на Людоту, – изувечил двоих. Отдай его мне. Закон гор обязывает кровью смыть позор. Мы должны отомстить. Он мой кровник.

Барух покачал головой.

– Это пленники несравненного Марвана ибн Мухаммеда. Я не могу тебе их отдать.

– Это наша земля, и мы всё равно отомстим. Нам никто не указ на нашей земле.

– Тебе не указ брат халифа? Ты хочешь, чтобы могущественный халиф отомстил за поруганную честь своего брата и бросил на вас на всех своё войско, которое не оставит никого здесь в живых?

Горец немного опешил, зло посмотрел на Людоту и, повернувшись, ушёл со своими воинами. Барух посмотрел сверху вниз на Людоту:

– Благодарите этого араба, – он взмахнул рукой и уехал вместе с сопровождающими его воинами. Рахим смущённо

заулыбался и тоже поехал следом.

Людота и Деян собрали по берегу сучья и развели костер. Млава всё не могла согреться, – она слишком долго провела в ледяной воде, в которую ей пришлось влезть от преследующих её горцев. Людота уложил Млаву в телегу, укрыл чем только было можно и дал ей горячего кипятка.

– Эх, сейчас бы в баню её.

Утром у Млавы начался жар и хриплый, выворачивающий все внутренности кашель. Людоте стало страшно. Ожидание чего-то неотвратимого, наступающего его и его семью, а, впрочем, и всех пленённых северян, охватило его сердце. Он шёл за Млавой, лежащей в телеге, и чувство отчаяния, своей беспомощности противостоять всем этим обстоятельствам, терзало его. Станята, сидевший впереди на телеге, иногда оглядывался, и его испуганные глазёнки смотрели сначала на Млаву, потом на Людоту, а затем опять поворачивался и смотрел на ведущего за повод коня Деяна.

Как умерла Млава, Людота так и не понял. Просто в какой-то момент он не услышал её тяжелого дыхания, прерываемого хриплым кашлем. Обняв её, он чувствовал ещё её тепло, но дыхания уже не было, и не было слышно биения сердца. Людота, держа в своих объятиях Млаву, зарычал, и непонятно было, то ли это рык голодного зверя, готового разорвать себе подобного, то ли это стон, то ли это плач, но без слёз. Просто слёз не было.

– Братко, братко... – пытался успокоить Людоту Деян, но

это было напрасно.

В этом стоне накопилась усталость от всего пройденного пути, горечь утраты дочери и жены, несправедливость устройства мира, где злые никчемные люди ради удовлетворения своих прихотей и желаний развязывают войны, от которых гибнут люди, которые мирно жили и работали, растили детей и выращивали хлеб.

Долго сидел так Людота, обнявши Млаву, пока не подошёл Богуш.

– Крепись, Людота, ты же мужчина. Нужно жить.

– Для чего? Подруби корни у дерева, – дерево погибнет. А у нашего народа сколько корней подрубили! Вон и меня не обошло горе... Остались теперь втроем: я, Деян и Станята. Как жить? Для кого?..

Помолчал немного Богуш и продолжил:

– Вот смотри, Людота, вроде бы травинка примята, а смочит её дождик или по утру роса, и смотришь, а она уже опять поднялась. Как травинка, помятая ногой человека или копытом животного, поднимается потом вверх, как цветок, лепестки которого вечером закрываются, а с восходом опять раскрываются, и он наполняется красками и запахом и опять смотрит на солнце, так и человек должен не унывать, преодолеть все трудности и жить, жить для близких и чужих, жить для других, во имя других.

Прошло немало времени, прежде чем Людота поднял голову, посмотрел на Деяна и Станяту и молвил:

– Ну что же, значит будем жить дальше.

Глава 4

(738 г. от Р.Х.)

Деян торопливо шёл по узким улочкам. Он был одет, как и все жители города: в халат поверх длинной белой рубахи прямого покроя и в штанах длиной почти до щиколоток. Загорелый, с надетой на голову чалмой, он мало чем от них отличался. И только выбивающиеся из-под чалмы выцветшие до белизны русые волосы могли выдать в нём чужестранца.

Высокие дома, сложенные из глиняных кирпичей, смешанных с соломой и высушенных на солнце, примыкали друг к другу и образовывали приятную тень в этой невыносимой жаре.

Деян торопился. Его босые ноги быстро переступали по вымощенным камнем улочкам. Он только старался не наступить случайно в дерьмо, которое иногда попадалось. Когда на улице никого не было, он переходил на лёгкий бег. Спешить стоило не только потому, что им было запрещено покидать территорию, отведённую им для работы и проживания в доме Баруха, но и потому, что сегодня должен к ним прийти сам Барух, и Деян должен быть в кузне. В руках, стараясь не уронить, как драгоценную ношу, он нёс узелок, в котором была мука, кусок мяса, немного овощей и крупа. Отдельно в кармане халата лежал сладкий гостинец для Станяты. Здесь его называют рахат-лукум. Всё это он купил от продажи но-

жей, которые втайне от Баруха они сковали с Людотой. Ещё у него осталось несколько серебряных монет, которые он завязал в тряпку и спрятал под чалму.

Деян спешил. Сегодня они с Людотой должны отдать Баруху двадцать восьмой меч из восьмидесяти, после изготовления которых Барух обещал отпустить их на волю. Они долго спорили с Барухом по количеству мечей, которые они должны были сковать, но под конец сошлись на восьмидесяти, а не на сотне мечей. Правда, Барух выразил свое неудовольствие, когда Людота начал делать мечи гораздо быстрее, чем ожидал Барух. Это неудовольствие, а скорее жадность и жалость об упущенной выгоде, которая могла бы быть, закончилось тем, что Барух резко урезал выдачу продуктов, так что Людоте и Деяну пришлось изловчиться и втайне от Баруха ковать ещё различные изделия на продажу, чтобы как-то прокормиться. А с учетом того, что им ещё приходилось ковать наконечники копий по просьбе Богуша, впроголодь им было бы не прожить.

Деян подходил к задней стороне дома Баруха, ограждённого со всех сторон глиняным, как и все строения, забором. В этом месте к нему примыкала с плоской крышей лачуга, которую они перегородили и приспособили одну часть под кузню, а другую – поменьше, себе под жильё. Ночью, спасаясь от жары, они часто спали на этой плоской крыше, хоть чуть-чуть обдуваемой ветерком. А Станята вообще чуть ли не целый день проводил на крыше, с которой было видно и

сад у соседей, с растущими там деревьями, цветами и кустами, и вся улица, с проходящими по ней людьми, и задний вход в дом Баруха, откуда он мог прийти к ним, и спящих по своим делам его слуг и рабов.

Деян издали увидел сидящего на крыше Станяту. Передав ему узелок с едой, он перемахнул через забор.

– Скорей, Деян, скоро он придет, – Станята никак по-другому не называл Баруха, только «он».

Деян мимоходом сунул гостинец в руки Станяты, забежал в кузню и прошмыгнул в каморку, где быстро сбросил с себя халат, рубаху и на голое тело набросил кожаный фартук. Людота мехом нагнетал воздух в горн, вокруг которого были наложены камни.

– Ну что, Деян?

– Нашёл покупателя, еду купил.

– А что невесел?

– Богуш сказал, что Драговист умер.

Людота нахмурился. Эта весть огорчила. Зачем теперь делать оружие, если не стало воеводы Драговиста, с которым все связывали надежды на спасение.

– Ещё он сказал, что пока подождите с оружием, так как прятать негде.

С крыши спрыгнул Станята:

– Он идёт, и ещё один с ним, пузатый такой.

– Деян, а ну-ка подбрось углей в горн, – Людота энергичнее начал качать мехами, после чего огонь ярче загорелся, и

в кузнице стало ещё жарче.

К кузнице подошёл Барух с таким важным на вид арабом, что Людота усмехнулся, вспомнив, как его назвал Станята. Действительно, живот у араба сильно выпирал вперёд, а шеи вообще не было видно: плечи и сразу голова. И казалось, голова вообще не могла поворачиваться в отсутствии шеи, если ему нужно было посмотреть в сторону, то поворачивалось всё туловище, и от этого казалось, что владелец такого живота надменно смотрит на окружающий мир.

Барух, видя ярко пышащий огнём горн, и чувствуя уже на подходе к кузнице его жар, остановился, не доходя до кузницы, и крикнул:

– Людота, выноси меч! Почтенный Ясир бен Джазим Багдади желает его посмотреть и купить.

Людота перестал орудовать мехами, подмигнул Станяте, на что Станята улыбнулся, и вынес Баруху меч, выкованный им.

Барух принял его двумя руками и повернулся к покупателю:

– Взгляни на это чудо!

Араб с проворством, которое от него не ожидали вследствие дородности тела, взял меч, положил себе на голову и пригнул к ушам за оба конца, а затем отпустил, – меч вернулся в прежнее состояние. Затем он взглянул на клинок: по нему шел волнистый узор из сплошных изогнутых линий.

Людота положил на деревянный чурбан толстый гвоздь и

знаком предложил арабу перерубить его. Ясир взмахнул мечом и рубанул по гвоздю. Гвоздь разлетелся на две половинки. Араб начал разглядывать клинок, но нигде не заметил вмятин. Под конец он достал свой меч и с размаху ударил им по мечу Людоты. На мече Ясира бен Джазима Багдади остались зазубрины. В знак восхищения он зацокал.

Барух взял у него меч, повернул его лезвием вверх, достал шелковый платок и легким движением набросил платок на клинок. После соприкосновения с лезвием на землю упали две половинки платка.

– Я покупаю его. Сколько за него возьмешь, Барух?

– Ну, ты же знаешь, уважаемый Ясир бен Джазим Багдади, что такой меч стоит столько золота, сколько весит сам.

Ясир чуть подумал и согласился:

– Он того стоит.

Деян, услышав это, очень удивился и, чтобы Барух не узнал, что он понимает их разговор, быстро отвернулся.

– Но я хочу, – продолжил Ясир, – чтобы на мече была надпись: «Я владетель мира».

– О-о, это замечательно, – залебезил Барух, – но только что подумает халиф, если узнает, что у тебя есть меч с такой надписью. Не лучше ли будет, если написать: «Во имя Бога благого и милосердного!», или, например, «Владетель прославится».

– Да, ты опять прав, пусть будет «Владетель прославится». Когда мне можно будет забрать меч?

– Деян, за сколько дней ты на мече сделаешь надпись «Владелец прославится»?

– По-славянски или на его языке?

– Конечно на его.

– Дней за десять можно... Ты только напиши на пергаменте, что надо написать, а я сделаю.

– Сделай за пять, ладно за шесть дней, и не днём более. Сделаешь, – принесу баранины, – Барух повел гостя прочь от кузницы.

– Уважаемый Ясир бен Джазим Багдади, ты можешь забрать свой меч через шесть дней. Позволь получить задаток.

Ясир молча кивнул и передал Баруху мешочек с серебряными монетами. Барух подкинул на ладони мешочек и оценил его вес. Он смотрел в спину уходящего Ясира и улыбался. У него была причина радоваться. Меч Людоты, который он подобрал при его пленении, уже окупил перстень, подаренный Саадет ибн Юсуфу, и принёс ему прибыль. А все двадцать семь мечей, реализованных ранее, уже принесли Баруху значительную сумму, которая состояла из арабских серебряных дирхемов и золотых ромейских солидов.

Деян проводил взглядом ушедших Баруха и Ясира и вздохнул:

– Хороший меч. Жалко отдавать такой в руки недругов.

– Не жалея, братко, – засмеялся Людота. – Да, меч красивый, и рубит хорошо. А я такой меч только на стену для красоты повесил бы. Сколько ты со мной работаешь, а до конца

не осознал, что при таком способековки такой мечничего не боится, кроме холода. А на морозе он ломаться будет. Представляешь, если опять они к нам сунуться... А так, пускай между собой воюют.

Станята, услышав такое, даже взвизгнул от восторга.

Деян продолжил:

– Барух сказал, что этот меч он продаст больше чем за триста византийских солидов, а рабы на базаре продаются от двадцати до шестидесяти солидов. Да за эти деньги нас бы давно выкупили. Может, доделаем тот меч, о котором не знает Барух, продадим и выкупим себе свободу?

Людота усмехнулся:

– Ты зарежешь курицу, которая несёт тебе золотые яйца? То-то и оно. И нас, я думаю, никогда не продаст, да, мне кажется, он и не отпустит нас, когда мы сделаем эти проклятые восемьдесят мечей.

– Что же делать-то?

– Не знаю, – пожал плечами Людота.

– Может убежим? – встрял в разговор Станята.

– А что? – подхватил идею Деян. – Давай доделаем кинжалы и меч, продадим, купим коней и только нас и видели.

– Не спеши. Надо все обдумать, кинжалы и меч доделать, покупателя найти, коней достать.

– У Рашида купим. Я его иногда на базаре вижу.

– Давайте доделаем поскорей. Я вам помогать буду, – у Станяты загорелись глаза.

– Вот с утра рано вставай и помогай, – заулыбался Людота. – А на сегодня сделаем отдых. А теперь, – продолжил Людота, – закрывай дверь, мыться будем.

Дверь в кузню закрыли, все разделись, и Людота большими щипцами взял один из раскалённых докрасна камней, которые нагревались у горна, и бросил в чан с водой, затем ещё, и ещё... От этого поднялся такой сильный пар, что всех троих обдало жаром. Наслаждаясь этим жаром, все трое завопили от удовольствия.

– Эх, сейчас бы березовый веник сюда... – заметил Деян.

Вымыв Станяту и выпроводив его из кузницы, Людота и Деян с наслаждением ещё поддали парку и попарились вдо-сталь.

Вымывшийся Деян вышел из кузницы и услышал шёпот Станяты, как обычно сидевшего на крыше:

– Деян!

Деян глянул вверх и увидел взволнованного Станяту, одной рукой зовущего к себе Деяна, а палец другой прижался к губам, означая не шуметь.

Деян осторожно залез на крышу. Станята молча указал на соседний сад. Там, уткнувшись в согнутый локоть, лежала на траве девушка и громко рыдала. С юношеской безрассудностью Деян спрыгнул с крыши в соседский сад и бесшумно, как кошка, пригнувшись, чтобы его не заметили, двинулся к плачущей девушке, которая рыдала, не замечая ничего вокруг. Он осторожно коснулся её плеча. Девушка встрепену-

лась и по инерции загородила лицо накидкой из тонкой ткани, закрывающей волосы и шею, но оставила открытыми заплаканные в слезах глаза.

Перед Деяном сидела довольно миловидная девушка с огромными черными глазами. На ней было надето несколько платьев сразу, и их широкие рукава разной длины с красивой вышивкой по краям, выглядывавшие один из-под другого, смотрелись очень эффектно. Она была сравнительно молода, так как видно было, что её грудь ещё не оформилась. Деян понял, что девушка замужем, так как две её косы были заплетены перед ушами и немного выступали из-под головного убора, а незамужние девушки носят косы сзади. Обычно арабские женщины украшают себя серебряными поясами, ручными и ножными браслетами, кольцами и серьгами, но, несмотря на то, что на девушке была дорогая одежда, на ней не было ничего из украшений.

Девушка немного отошла от испуга. Перед ней сидел, не предпринимая ничего угрожающего, молодой широкоплечий парень с милой улыбкой на лице. Волосы у него были светлые, а глаза, о чудо, – голубые. Он сидел, смотрел на неё и улыбался, и от этой улыбки веяло таким спокойствием, что девушка непроизвольно улыбнулась.

– Ты кто?

– Я? Мое имя Деян. Я живу там, – и Деян мотнул головой в сторону забора. Мой хозяин Барух. Но скоро я буду свободен. А тебя как зовут?

– Зайнаб.

– Ты чего плачешь? На колючку наступила?

Зайнаб замотала головой, и слёзы опять полились из глаз:

– За долги моего отца меня отдали замуж за менялу Бек-

Дели эль Каддада.

– Ну и что?

– Да он старый, дряблый такой. У него даже зубов нет, и изо рта пахнет. А старшие его жены меня бьют, – Зайнаб всхлипнула и утёрла слезу. – А ты сакалиб?

– Да, нас так называют.

Деян начал рассказывать, как их пленили. Он рассказывал, а его руки непроизвольно рвали цветы и листочки травы, растущие рядом, и, как у него на родине девушки сплетали венки, так и он сплёл венок и положил Зайнаб на голову. В этом венке она была так мила, что Деян невольно залюбовался ею. Зайнаб сняла венок, оглядела его и опять надела на голову. И уже счастливая улыбка не покидала её лицо.

– Деян! – позвал Станята, и за кустами послышались женские крики:

– Зайнаб, куда ты подевалась?

Деян встал с травы и, махнув рукой, пошел к забору.

– Деян! – услышал он голос Зайнаб и обернулся.

Она стояла и смотрела:

– Ты приходи, Деян. Я буду ждать.

Деян кивнул головой в знак согласия, вмиг очутился на крыше и прилёг рядом со Станятой. Зайнаб уже скрылась в

зарослях сада.

– Чего она?..

– Такая же рабыня, Станята, как и мы. Продали её. Вот как получается, мы – несвободные, рабы, а они свободные, а по сути такие же рабы. А почему? Все они зависят от золота. Есть золото или – ты свободный. Нет их – ты раб. И ради этого они готовы на всё. Ради них они готовы воевать, уничтожать и порабощать людей. Я вот хожу по городу и вижу столько нищих и голодных. И они унижаются из-за куска лепешки. У нас на родине любому прохожему и кусок хлеба дадут и крынку молока нальют.

– Правда, моя маманька для этого всегда держала на столе крынку с молоком и кусок хлеба рушником прикрывала, – неожиданная слеза покатилась из глаза Станяты.

– Ну, будя-будя, не плачь. Вот думай о том, как освободимся, как домой добираться будем, как нас встретят, как дом построим. Хотя, чтобы добраться, опять деньги нужны.

– Ладно, – Станята вытер рукавом неожиданную слезу. – Скорей бы домой...

Глава 5

(738 г. от Р.Х.)

Барух после удачной сделки находился в благодушном настроении и решил тоже помыться в арабской бане, или как его зовут арабы – в хамаме.

В хамаме Барух разделся и завернулся в полотенце, чтобы

скрыть все интимные места. Показ интимных мест считался оскорблением, и поэтому банщик выгонял всех, кто нарушал это правило. На ноги Барух надел специальные деревянные башмаки, чтобы не обжечь ноги, так как пол в хамаме всегда очень горячий, и направился в парную. Там он посидел до тех пор, пока его тело хорошо не разогрелось. Затем он лёг на специальное ложе для массажа, которое было более горячим, чем окружающий воздух, и Барух ещё сильнее стал потеть. К нему подошел банщик и стал его массажировать, хотя вряд ли это слово может подойти к тем действиям, что проделывал банщик с Барухом. Банщик вытягивал ему руки, ноги, позвоночник, бил его кулаком, становился на него своими ногами, мял ему все участки тела. После такого «массажа» банщик аккуратно постриг и побрил Баруха, а затем удалил ему мозоли на ногах. После этого жёсткой vareжкой из верблюжьей шерсти тщательно растёр распаренное тело Баруха, чтобы убрать все омертвевшие клетки кожи. Затем несколько раз он облил Баруха водой.

Умиротворенный Барух после всего этого залез в бассейн. Вода в бассейне была не горячая и не холодная, и Барух плескался в нем, а в голове строились различные планы о будущей торговле. Ещё немного времени и Барух накопит достаточно средств для её возрождения. Из двадцати семейств рабов сакалибов он большинство продал, распродал он и всех коней, в том числе и коня Людоты. Мечи, которые делал Людота, уже принесли ему немалую прибыль. Теперь остаётся

решить, что же делать дальше: купить корабль и двинуться за пряностями и рубинами в далекую Индию, или в жаркую землю чёрных людей за слоновьей костью и золотом, или в долгий путь на север к варварам за ценным янтарем, или, всё-таки, наладить отношения с ромеями, с которыми воюют арабы? В какую бы сторону не направиться, все равно нужно нанимать охрану, а это определенные затраты. Пока эти рабы куят булатные мечи, можно не беспокоиться, деньги от их продажи текут ручьём. Но что будет, когда будет готов последний меч из восьмидесяти? Этот наивный и строптивый сакалиб может отказаться их делать дальше. То, что Барух их не отпустит, он решил уже давно. Но как заставить их ковать мечи дальше? Видя стойкость в бою сакалибов и их презрение к смерти, гордость и умение держать обещание, этого сделать будет трудно. Надо что-то придумать.

С этими мыслями Барух направился в комнату отдыха.

В комнате отдыха он увидел кадия³ Назира аль-Дахмана, медленно цедившего из пиалы чай, и подошёл к нему:

– Да всегда сопутствует тебе удача, умудрённый Назир аль-Дахман.

– А, это ты, Барух. А я наслышан, что удача сопутствует тебе. О твоих мечях говорят даже в гареме эмира Мааруфа ибн Башира, да что эмира, даже во дворце самого халифа судачат о них. Говорят, что ты не всем продаёшь, и заказ нужно ждать несколько недель. Позволь спросить, дорого тебе

³ Кадий – судья у арабов.

пришлось заплатить за раба, который куёт тебе мечи?

– Да, пришлось потратиться.

– Послушай Барух, один почтенный человек хочет заказать у тебя меч, но ему некогда ждать. Я не могу тебе сказать его имя. Как твоё мнение, можем мы решить эту проблему?

Барух взвесил все за и против. С одной стороны ему не хотелось портить отношения с заказчиками из-за срыва обещанных сроков изготовления мечей, а с другой стороны не хотелось отказывать этому судье, так как он всегда ему мог в дальнейшем пригодиться. А, ладно, заставлю меньше спать этих рабов, пусть больше работают.

– Я думаю, что можно пойти навстречу этой просьбе.

– Но одно условие, Барух. Этот меч должен быть готов к полнолунию.

– Но ведь до полнолуния осталось четырнадцать дней!

– Да, – кивнул головой кадий. – Но я ещё раз повторю, что это для очень, м-м-м, скажем так, очень значимого человека.

Мысли у Баруха лихорадочно завертелись в голове:

– Но, понимаешь, о, справедливый Назир аль-Дахман, да будет над тобой чистое небо, это будет стоить несколько больше, чем обычно.

– Я понимаю, и ты мне скажешь свою цену. Я её озвучу заказчику.

– Может, уважаемый Назир аль-Дахман, сведёт меня с заказчиком, и мы всё с ним сами оговорим?

Назир аль-Дахман снисходительно улыбнулся:

– Ты хочешь лишить меня нескольких дирхемов?

– Я могу отблагодарить тебя этим же количеством дирхемов.

– Как ты думаешь, Барух, можно ли измерить деньгами ветер или утреннюю росу? А может можно измерить яркую звезду на чёрном небе?

Барух недоуменно посмотрел на кадия.

– Разве ты не понимаешь, Барух, что не всё можно измерить золотом. Также невозможно измерить золотом и благосклонность сильных мира сего.

– Но сегодня благосклонность есть, а завтра может и не быть. А золото, вот оно – всегда при тебе.

Кадий улыбнулся:

– С одной стороны ты прав, но с другой... Представь, к тебе в дом забрались разбойники и забрали у тебя всё золото. Что ты будешь потом делать? А с благосклонностью правителей ты всегда восстановишь свое благополучие.

– Ты прав, о мудрый Назир аль-Дахман. Как ты сказал, правителей?

– Я оговорился, Барух, – недовольно поморщился кадий. – И еще я забыл тебе сказать, что на поверхности клинка должна быть надпись: «Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммед – посланник Аллаха».

– О-о, меч с такой надписью можно вручить и самому халифу.

– Опять твои мысли заняты не тем, чем надо, – снова по-

морщился кадий. – Твоя задача вовремя сделать нужный меч и сообщить цену.

Барух свёл воедино всё сказанное кадием и сделал свои выводы. Первое, меч нужен для какого-то высокопоставленного лица, значит, деньги у него есть. Второе, меч необходимо изготовить в короткие сроки, – можно увеличить цену. Эх, была-не-была, и Барух назвал цену, увеличив её раза в два.

Кадий немного подумал:

– Хорошо, но только надо уменьшить цену на треть.

– Ну, никак нельзя. Нужно металл закупить, и за срочность... Давай уменьшим на десятую часть.

– На четверть.

– О, благоразумный Назир аль-Дахман, ты меня разоряешь. На шестую часть...

– Ладно, на пятую часть уменьшаем, и на этом закончим.

И не дирхемом больше.

Барух в знак согласия наклонил голову.

Кадий утёр простыней потное от горячего чая лицо и поднялся:

– И ещё раз напоминаю: меч должен быть готов не позднее полнолуния. И пусть видит Аллах, что если меч будет не соответствовать цене... А если заказчик будет доволен, – в это время судья произвольно взглянул вверх, – тогда возможен ещё заказ.

Благодушное настроение Баруха как-то само собой нача-

ло понемногу угасать. Он смотрел на удаляющегося кадия, и непроизвольно на его лице появилось озабоченное выражение. Он тоже поднялся и направился домой.

Он уже почти дошел до дома, как заметил семенившего навстречу Баруху торговца Ашера. Его тощая козлиная борода тряслась при его каждом шаге.

– Ты куда торопишься, Ашер? Ты почему такой озабоченный?

– В связи с предстоящим праздником – обрезанием сына халифа Мухаммеда, да смилостивится над ним Всевышний, покупатели распотрошили всю мою лавку. И это им не нравится, и то. Ты же знаешь мой товар, Барух? Это же лучшие изделия из серебра, фарфора и бронзы в нашем городе. Нет, подавай им этакое, что-то особенное. Вот бегу к Нахуму. Говорят, что он собирает караван к ромеям, закажу ему кое-что. Может, успеет за десять дней обернуться.

– Караван? Слушай, а не заказать ли мне у него металл? Я с тобой пойду.

И Барух с Ашером направились к Нахуму. Ашер, также мелко перебирая ногами, семеня, потряхивая своей козлиной бородой, а Барух важно вышагивал следом.

* * *

Ни свет ни заря Станята проснулся. Было ещё темно. И не удивительно. Станята с трудом, но вспоминал, что на родине летом ночи короткие, а дни длинные. А здесь по длительности ночь почти равнялась дню. Санята решил всех разбудить:

– Дядько Людота, Деян, вставайте, мы же договаривались пораньше встать...

Людота, а за ним Деян начали одеваться, благо, что работа находилась рядом, за дверью. Пока разжигали горн, Людота начал учить Станяту:

– Понимаешь, Станята, это только кажется, что разогрел железо, молотком отбил, вот тебе и меч готов. Железо оно разное: может быть гибким, но мягким. Из него меч не делаешь, – будут зазубрины. А может быть твердым, но хрупким, – тогда меч может сломаться. А чтобы меч был крепкий, но в то же время и гибкий, нужно сделать его слоистым. Вот здесь вверху горна получается железо твердое, а внизу горна, где поступает воздух, там, наоборот, мягкое. Вот видишь эти два куска железа? Каждый из них был сложен из нескольких пластин: поочередно мягкое железо, потом твердое. Вначале мы их сварили вместе. Сваривать надо умеючи. Время сварки определяют по цвету нагретого металла, а то не сварится. Затем мы кусок железа разрезали пополам, опять проковали. И так делали раз четырнадцать. И скручивали мы его и опять ковали. Сейчас уже последний раз куём. А вот смотри, как мы с Деяном будем делать. Главное не испортить при нагревании, а то кинжал или меч может не получиться: быть или мягким, или хрупким. Нужно соотносить нагрев металла с ковкой, чтобы не перегреть или недогреть заготовку. Всё понял?

Станята правдиво отрицательно помотал головой.

– Ну, ничего, ничего, с первого раза не всё усвоишь.

Пока Людота объяснял, Деян нагрел до нужной температуры кинжалы, и Людота несколькими ударами приварил рукоятку к лезвию первого кинжала, а затем и второго. Нагретые кинжалы Людота на миг сунул в воду, а затем в чан с мочой и оставил их там. По кузнице разнёсся такой едкий вонючий запах, что Станята зажал рукой нос.

– Терпи, Станята. Зато кинжалы будут крепкими. Ну ладно, иди – погуляй.

Станята вмиг выбежал из кузницы, и, как обычно, залез на крышу.

Когда кинжалы остыли, Людота начал их полировать, а Деян достал несколько серебряных монет и начал что-то мастерить. Он и плющил молотком монеты, и нагревал на огне, резал на несколько частей, опять нагревал, и опять стучал молотком.

Так они обычно работали до самого вечера с кратковременными перерывами на еду. Но в этот день их рутинная работа прервалась посещением Баруха.

* * *

Утром Барух проснулся не слишком рано и с удовлетворением услышал, что из открытого окна раздаются гулкие удары молота из кузницы.

– Нужно попозже к ним заглянуть и ускорить работы, чтобы выполнить заказ кадия. – пробормотал Барух и потянулся. – А не перекусить ли мне?

Но позавтракать не удалось. Вбежал слуга и, запыхавшись, доложил:

– Там у входа в дом всадники ждут.

Недовольный Барух поспешил на улицу, но увидев посетителей, выдавил на лице гостеприимное выражение:

– О, я так рад видеть непобедимого Газвана ибн Джабалья. Я только собирался сесть за стол. Прошу в дом, не откажите отведать скромное угощение.

– Неужели ты думаешь, что я войду в дом человека, не почитающего пророка Мухаммеда, и отведаю вместе с ним кусок хлеба?

– Смилуйся, милосердный Газван ибн Джабаль. Я почитаю закон гостеприимства. Зайди просто в дом, отдохни в тени. Я всегда рад услужить тебе...

– Ну что ж, раз готов услужить, то послужи. Я помню, как я помогал тебе отбирать рабов из каравана. Но ты до сих пор не отблагодарил меня за это. А я слышал, что ты выбрал хорошего мастера, который делает тебе булатные клинки. И до сих пор ты не удосужился преподнести мне такой клинок. Может мне отобрать его у тебя? И пусть он у меня делает такие клинки.

– Сжался, благородный Газван ибн Джабаль. Я только и живу продажей этих мечей, но как только будет готов следующий меч, я его подарю тебе.

– И когда он будет готов?

Барух вспомнил про заказ кадия и покрылся холодным

ПОТОМ:

– Я думаю, что через месяц меч будет готов.

– Хитришь, Барух. Я тебе даю десять дней. Через десять дней ты принесёшь мне меч. На нём должно быть выгравировано: «Во имя Бога, благого и милосердного!» А если меча не будет, то я заберу у тебя сакалиба. Ну а тебя, – здесь эмир усмехнулся, – я щедро награжу. У Ясира аль-Кабира от старости умер в гареме евнух. Я думаю, что твоя кандидатура подойдёт. Ты будешь очень счастлив. Ты будешь лицезреть жён самого Ясира аль-Кабира. Согласись, ведь не каждому дано видеть жён великого эмира?

От такой милости Барух побледнел лицом и неожиданно замочил свои шаровары.

– Смилуйся, о милостивый Газван ибн Джабаль...

Газван ибн Джабаль надменно усмехнулся, повернул коня и напоследок повторил:

– Через десять дней и на мече должно быть «Во имя Бога, благого и милосердного!»

– Воистину не знаешь, что лучше: дружба и покровительство власть держащих или держаться от них подальше, – пробормотал себе под нос Барух, провожая взглядом свиту Газвана ибн Джабаля. – И что же делать? Хотя одну мысль он мне подбросил.

Барух зашел в дом, поменял штаны, захватил двоих вооружённых слуг и направился к кузнице.

Станята заметил Баруха с крыши и вбежал в кузню:

– Он идёт и не один...

Людота быстро спрятал кинжалы, а Деян результаты своей работы, и оба достали заготовки для изготовления следующего меча.

Барух почти никогда не заходил в кузницу, но в этот раз зашёл. Слуги молча стояли за спиной хозяина. Людота и Деян выжидательно на него смотрели, а из-за спины Деяна выглядывал Станята.

– Мне надо, чтобы один меч был сделан через восемь дней, и на нём была надпись «Во имя Бога, благого и милосердного!», а второй меч должен быть сделан через четырнадцать дней, и на нём была надпись «Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммед – посланник Аллаха».

– Это невозможно, ведь ты знаешь, что меч можно сделать... – Начал Людота.

– Я не договорил, – прервал его Барух. – Если мечи не будут готовы в назначенный срок, то вот его, – он кивнул в сторону Станяты, – я продам в гарем одного из эмиров, и его там сделают евнухом. А может еще и тебя, – он перевёл взгляд на Деяна.

Людота с нарастающей яростью начал вставать. Барух властно взглянул на него и повторил:

– Я сказал через восемь и четырнадцать. Если сделаете, то ваш долг будет не восемьдесят, а семьдесят мечей.

Барух повернулся и вышел из кузницы. По дороге в дом он подумал: «А после этого, если не будут делать мечи, закую

в колодки. К тому времени у меня будет достаточно денег, чтобы опять начать торговать».

– Ну что будем делать? – Спросил Деян после ухода Баруха.

– Придётся отдать тот меч, о котором он не знает. Через три дня он будет готов, и ты дня за два нанесёшь надпись. А другой меч будет готов дней через десять. Так что успеем. Но я думаю, что теперь он нас будет заставлять работать в таком режиме. Ты прав, Деян, надо готовиться к побегу, а для этого надо подкопить денег. Ты что делаешь из монет, Деян?

– Браслет для Зайнаб.

Людота понимающе кивнул головой:

– А как же возвращение домой?..

– А мы её с собой возьмём.

– И она согласится поехать на чужбину?

– Не знаю. А что здесь её ждёт? Такая же рабыня, как и мы.

Все опять занялись делом, от которого их оторвал приход Баруха: Людота полировал лезвия кинжалов, а Деян делал свой браслет. Чем больше полировал свой кинжал Людота, тем чаще он поглядывал на лезвие, и тем удивлённее становилось у него лицо.

– Смотри, Деян.

Деян и Станята подошли к Людоте и склонились над кинжалом. На лезвии кинжала пряди волокон металла сплелись так, что на темно-буром с золотистым отливом фоне очер-

чивали контуры человека. Этот человек как бы стремился навстречу ветру, руки этого человека были откинuty назад и напоминали крылья. Волосы тоже развивались, и казалось, что человек летит против ветра на фоне заката.

– На Русаву похожа, – заметил Станята.

– И правда! – удивился Деян.

Людота ничего не сказал. Он просто поцеловал клинок и прижал его к груди.

– Братко, я сделаю для него ножны и отделаю их серебром.

– Хорошо, Деян.

И опять побежал день за днём. Особенно быстро они бегут, когда весь день занят работой. Как обычно Людота и Деян ковали мечи и втайне от Баруха различные изделия на продажу, которые было очень трудно делать из-за ограниченного количества металла, и им приходилось как-то изошряться. Поэтому изделий на продажу было немного, но они были высокого качества, и их быстро скупали перекупщики, с которыми Деян наладил контакт. Деньги от продажи опять шли на покупку продуктов, и часть их откладывалась, чтобы обеспечить возвращение домой. С Зайнаб Деян после этого виделся всего раза два: то он был занят, то она не могла прийти. По вечерам Людота полировал мечи и кинжалы, а Деян доделывал свой браслет.

Уже как-то сложилось, что перед тем как ложиться спать Станята просил показать Русаву. Людота доставал спрятанный кинжал, и все смотрели на его лезвие, и каждый в это

время вспоминал что-то своё.

На втором кинжале узор из сплошных изогнутых линий, сплетавшихся в пряди, не образовывал никаких изображений, и его решили продать. Покупателя на кинжал обещался найти Деян в следующее посещение базара.

Всегда всё когда-то заканчивается, вот и наступил тот день, когда Деян закончил делать браслет.

– Братко, посмотри, – Деян положил на стол готовый браслет.

Браслет был изготовлен из серебряных пластин, скреплённых между собой. Людота взял его в руки, повертел и спросил:

– У Зайнаб такая маленькая ладонь? Этот браслет только разве вот Станята оденет.

Деян улыбнулся и забрал у Людоты браслет:

– Вот смотри, видишь на этом звене какой орнамент? Вот на это звено и дави вот так, – Деян надавил на звено браслета, и браслет открылся, и теперь его можно было надеть на руку и Людоте.

– А закрывается вот так, – Деян опять соединил звенья.

Людота опять взял его и долго-долго рассматривал.

– Да, Деян. У тебя действительно светлая голова и чудные руки. Я бы так не додумался. Тебе бы не со мной мечи ковать, а такие вот изумительные штуки делать. Я всё равно не могу понять, как ты смог скрепить между собой звенья браслета. Это очень тонкая работа, – Людота восхищённо пока-

чал головой и отдал браслет Деяну. – Сделай мне такой же.

– И мне, Деян, и мне!.. – радостно завопил Станята.

– Хорошо, но надо еще серебряных монет.

– Вот кинжал продадим. Я думаю, на всё хватит.

– С Русавой? – встревожился Станята.

– Нет, другой.

– Ладно, сделаю, а пока я к Зайнаб схожу.

Деян взял браслет и спрятал его под рубаху. Солнце уже приближалось к горизонту, и он хотел подарить браслет при свете дня. Он как всегда осторожно спрыгнул в соседский сад и начал пробираться между кустов и деревьев к месту, где они всегда встречались с Зайнаб.

Как всегда она ждала его на небольшой поляне, окружённой со всех сторон цветущими кустами жасмина. Она сидела в густой траве и испуганно обернулась, услышав шорох. Но увидев знакомое лицо, улыбнулась и посторонилась, освобождая место около себя:

– Здравуй, – попыталась она поздороваться на родном языке Деяна.

Услышав это, Деян тоже улыбнулся и, поправляя её, медленно произнёс:

– Здравствуй.

Зайнаб попыталась повторить, но у неё не получилось, и она засмушалась.

– Ты смотри, что я тебе принёс, – Деян достал из-за пазухи браслет и надел его на руку Зайнаб.

– Это мне? – Зайнаб радостно взвизгнула и сразу же испуганно прикрыла рот рукой. Потом долго любовалась брашлетом, поворачивая руку так и эдак.

– Какой ты хороший, Деян. Мне ещё никто не дарил подарков. А это такой дорогой подарок, – и Зайнаб прислонилась к груди Деяна.

Деян нежно обнял девушку. Ему было приятно и необычно сладко от её близости. Вдруг дыхание Зайнаб участилось, и Деян почувствовал, как Зайнаб задрожала, и он услышал её прерывистый голос:

– Деян, я хочу быть только твоей. Я ещё не знала мужчин. И этот муж, такой старый и противный... Умоляю, Деян, возьми меня...

Деян растерялся и покраснел:

– У меня тоже никого не было... Я не знаю...

Но молодость берет своё, и что должно было случиться – случилось...

Уже давно стемнело. Деян нежно держал Зайнаб за тонкую, нежную руку, ещё не веря, что это сокровище принадлежит ему.

– Деян, мне пора. Меня, наверное, уже ищут. Я завтра приду. Ты придёшь?

Деян утвердительно кивнул головой, но поняв, что в темноте она может этого не увидеть, произнес:

– Обязательно вырвусь. Я буду тебя ждать здесь.

И двое влюблённых покинули друг друга. После того, как

полянка опустела, из-за кустов вышла женская фигура и долго смотрела вслед Зайнаб и Деяну.

Глава 6

(738 г. от Р.Х.)

Этот день Барух будет вспоминать не один раз. Уже утром, будучи ещё в постели, его разбудил слуга:

– Пожаловал достопочтимый кадий Назир аль-Дахман.

Барух быстро накинул халат и поспешил в гостиную. Не успел он обменяться приветствиями с судьёй, как тот же слуга объявил:

– Сосед Бек-Дели эль Каддад просит принять его.

Меняла не вошёл, а вбежал в комнату и с порога возмущённо завопил:

– Уважаемый Барух, я требую справедливости и наказания твоего дерзкого раба. Этот твой молодой сакалиб оскорбил меня. Уважаемый кадий! – он обратился к судье. – Ты хранитель наших законов. Что заслуживает подлый раб в этом случае?

– В данном случае хозяин раба должен возместить пострадавшей стороне стоимость трех рабов или отдать провинившегося раба пострадавшей стороне, – здесь Назир аль-Дахман еле сдержал злорадную улыбку. – Если раб передаётся пострадавшей стороне, то пострадавшая сторона, в данном случае Бек-Дели эль Каддад, может наказать его по своему усмотрению, но ни в коем случае не лишать жизни. Постра-

давшая сторона обязана сделать выбор: согласиться на денежную компенсацию или забрать раба.

В голове у Баруха завертелся круговорот мыслей. Ему было жалко отдавать деньги. Если Деяна заберут, то кто будет гравировать надписи на клинках мечей?

– А что он сделал?

– Вчера вечером сидел в моем саду с моей младшей женой, разговаривал с ней и подарил ей серебряный браслет.

Барух был озадачен этим известием:

– Он разговаривал с ней по-арабски?

– Да, как мы с тобой.

Барух еще более изумился. Почему Деян разговаривал на арабском языке? Откуда у него серебряный браслет? А может это был всё-таки не он?

– Добродетельный мой сосед, – обратился Барух к Бек-Дели, – а ты уверен, что это был мой раб? А может быть, это был кто-то другой? Давайте я приведу моего раба, и узнаем. – Барух хлопнул в ладони и прибежавшему слуге дал указание привести Деяна.

Появившегося Деяна обступили вооружённые слуги Баруха и Бек-Дели эль Каддада.

Барух обратился к нему по-арабски:

– Скажи, Деян, откуда у тебя серебряный браслет?

Деян молча смотрел на Баруха, как бы не понимая его.

– Зачем ты лазил в сад почтенного Бек-Дели эль Каддада? Ты общался с его женой? – Барух внимательно взгляделся в

лицо своего раба. У Деяна не дрогнула ни одна мышца.

– Сдаётся мне, уважаемый сосед, что ты всё-таки ошибся. Вот видишь, он ничего не понимает по-арабски, и откуда у сакалиба серебро?..

– Но их вместе видела моя старшая жена, и они говорили между собой.

– Позвольте мне, – вмешался Назир аль-Дахман. – Закон гласит, что раб, залезший в чужой гарем, подлежит кастрации, и это осуществляет пострадавшая сторона.

Услышав это, Деян не сдержался и с испугом взглянул на кадия.

– Ну вот, – заулыбался кадий, – он всё понял.

Бек-Дели злорадно улыбнулся:

– Устами справедливого кадия говорит сам всевышний.

– Но позволь, достопочтенный Назир аль-Дахман, сорвётся твой заказ, да и другие будут под угрозой срыва. Я готов заплатить штраф как за трех рабов...

– Это уже твои проблемы. Закон суров, но это закон. Найди себе гравировщика и заплати ему. А сакалиба придётся отдать Бек-Дели.

Услышав это, меняла просиял:

– Свяжите его.

Слуги менялы набросились на упирающегося Деяна, связали его и увели.

– Ты конечно понимаешь, что происшедшее никак не должно отразиться на сроках моего заказа? – презрительно

поджал губы кадий, а затем повернулся и вышел.

У Баруха от надвигающейся беды подкосились ноги. И всё-таки его терзала одна мысль: «Где сакалиб взял серебро?..» От другой мысли у Баруха похолодело всё внутри: «А вдруг серебро украли у меня?»

Он быстро пошел в соседнюю комнату и снял замок с сундука, где хранились все его деньги, и начал их пересчитывать.

Станята кубарем слетел с крыши кузницы:

– Дядько Людота, там Деяна связанного повели...

– Куда повели?

– Не знаю. Может он знает? – Станята как обычно так называл Баруха.

Наскоро вытерев руки, и как был в фартуке на голое тело, Людота быстрым шагом пошёл к Баруху, а Станята побежал следом. Оттолкнув преградивших ему путь слуг Баруха, Людота начал искать хозяина в его доме и застал его, считающим свои деньги у открытого сундука. Увидев входящего Людоту, Барух прикрыл крышку сундука, но не успел его запереть, так как Людота быстро подскочил к нему и схватил за горло:

– Ты куда Деяна дел, пёс смердячий?

Пальцы Людоты больно давили на горло Баруха, и ему очень трудно было говорить, но он всё-таки попытался это сделать:

– Как ты смеешь? Ты, мой раб... Да я тебя... Отпусти...

– Говори, а не то... – Людота ещё сильнее сдавил горло Баруха.

– Он мой раб, что хочу... Слуги, помогите... – Барух захрипел и потерял сознание.

На крик хозяина вбежали двое тщедушных слуг, но что они могли сделать против Людоты? По сравнению с ними он был просто великаном.

Людота повернулся к ним:

– Говорите, где Деян.

Слуги что-то залепетали, но Людота ничего не понял и в ярости пошёл прямо на них. Испугавшись, они попятнулись, а затем стремглав выбежали из дома. Людота даже не заметил, что Станята в доме задержался.

Людота зашёл в кузницу, быстро переоделся и достал кинжалы. Он не знал, что делать дальше, но решил, что вооружившись на крайний случай, он ещё раз допросит Баруха. Людота вышел из кузницы и услышал из-за забора тонкий девичий голос:

– Станат, Лудот, Станат, Лудот...

Людота с разбега взобрался на глиняный забор и увидел испуганное девичье лицо.

– Там, Лудот, там, Деян, слушай, Деян... – увидев Людоту, бессвязно повторяла она, показывая рукой в сторону дома соседа Баруха.

Людота спрыгнул в сад и поспешил вслед за Зайнаб, которая показывала ему дорогу.

У самого входа в дом со стороны сада Зайнаб остановилась и, стараясь говорить тихо, стала объяснять что-то Людоте. Ничего не понимая, Людота молча отстранил с пути Зайнаб и тихо вошёл в дом. Дойдя до поворота коридора, он остановился и осторожно выглянул. У закрытой двери на скамейке сидел крепкий по арабским меркам человек, вооружённый мечом, но по сравнению с Людотой он казался подростком. Зайнаб тронула Людоту за плечо и показала на дверь. У неё из глаз текли слёзы, и она еле сдерживалась, чтобы не разрыдаться в голос.

Людота резко вышел из-за угла и направился к арабу. Охранник не успел обнажить меч, как получил такой сильный удар в грудь, что у него перехватило дыхание. От молниеносного второго удара в ухо он рухнул как подкошенный и потерял сознание. Людота толкнул дверь. Она была заперта. Людота отступил на шаг и ударом ноги выбил её.

В комнате на топчане Людота и Зайнаб увидели Деяна. Тот лежал без рубашки, и видно было, что, несмотря на прохладу помещения, его тело всё было в капельках пота. Его руки были закинута за голову и крепко связаны. Ноги его были широко раздвинуты и тоже крепко связаны. Выше колен его штаны были все в крови. Деян лежал и тихо постанывал.

Зайнаб вскрикнула и бросилась к Деяну. У самого топчана она упала на колени и начала целовать его потное тело. Людота подошёл и обрезал все верёвки, которыми был свя-

зан Деян.

– Братко, попить бы... Всё, братко, не жить мне, сделали из меня мерина. Не плачь, Зайнаб, не плачь.

– Ничего, Деян, терпи. От этого не умирают. Сейчас я тебя отнесу к нам в кузню.

– Людота, оставь меня. Они и тебя убьют. Беги. Бери Станяту и беги.

– Ещё чего... Чтобы я тебя бросил?! – Людота попытался поднять Деяна, как вдруг Зайнаб вскрикнула.

Людота обернулся. У двери стоял араб с обнаженным мечом в руке. По его виду было понятно, что это не вооружённый слуга менялы, а настоящий воин. За ним раздавались звуки шедших на подмогу людей. От отчаяния Людота выхватил кинжал и бросил в араба. Видно боги были на стороне Людоты, и кинжал попал прямо в горло. Араб захрипел, выронил меч, схватился за горло и упал в конвульсиях. Людота только успел подобрать меч, как подоспели остальные воины.

Коридор был тесный, и Людота сражался только против одного воина, а остальные теснились сзади. Людота наносил мощные удары мечом, и араб, отступая, с трудом их отражал. У Людоты складывалось впечатление, что он одолевает, но это было до тех пор, пока они не оказались на улице. Он сразу понял свою ошибку. Перед ним были три опытных воина, которые выманили его на свободное место, чтобы никто не мешал друг другу. Теперь Людоте пришлось не сладко.

Он повернулся спиной к ближайшему дому и с трудом отбивал удары, предназначавшиеся ему. Казалось, конец был уже близок. Людота начал уже уставать. Ему скользким ударом поранили левую руку, и кровь начала стекать по руке. Правда двоих он тоже задел, но они продолжали нападать и обрушивали на Людоту град ударов.

Людота сражался, из последних сил спасая своих близких. Недалеко, наблюдая, как он отбивается от превосходящего по численности противника, столпилось немало людей. Уже изнемогая от усталости, он закричал боевой клич северян:

– Слава!

Этот клич повторился в толпе, и после этого клича из толпы в арабских воинов вначале полетели камни, а потом выскочили несколько человек и напали на них сзади. Их просто смяли, кого задушили, кого забили камнем. На помощь арабским воинам бросились местные жители, а из близлежащих домов и соседних улиц уже бежали вооружённые чем попало славяне. Вооружались все, даже женщины и дети.

И вспыхнул бунт, жестокий, беспощадный, отметающий всё доброе и человеческое. Как сноп соломы может вспыхнуть от одной искры, так и это сражение Людоты с арабскими воинами явилось толчком к всеобщему сопротивлению.

Это не была битва двух враждующих армий. Это была самая настоящая бойня, когда люди находились в такой ярости, что не разбирали кто перед тобой: воин или нет. Убивали всех: воинов и женщин, стариков и детей. Убивали всех,

кто не был с ними одного племени, у кого родной язык был другой, кто отличался цветом волос и цветом кожи, кто просто попадался под руку. И у каждого, участвовавшего в этой кровавой резне, была своя правда. Одни мстили за свою потерянную свободу, за смерть близких, за безысходное будущее, за возможность просто жить. Другие защищали свою жизнь и жизнь близких, защищали так же яростно, защищали от ярости взбунтовавших рабов, защищали свои жизни те, кто вообще не имел рабов-сакалибов, и их было большинство.

Но пока ярость и отвага людей, которым просто нечего терять, кроме своих жизней, переломили сопротивление арабов, и как снежный ком, увеличивающийся в размерах, сражение начало распространяться на соседние улицы.

Людота, не веря своему спасению, вернулся в дом менялы. Зайнаб сидела на полу у топчана, на котором находился Деян, и голова её лежала на его груди. Рука Деяна нежно гладила волосы Зайнаб, и они о чём-то тихо разговаривали.

– Уходим отсюда, – Людота подошёл к Деяну и взял его на руки.

На улице раздавались звуки битвы, и Людота направился в сад, чтобы вернуться тем же путём, которым он и Зайнаб шли. Сад был довольно густым, и Людота выбирал такой путь, чтобы ветки деревьев не мешали им идти, и чтобы Деяну не причинить лишние страдания. Вдруг Зайнаб вскрикнула, и Людота обернулся.

То ли шальная, то ли наоборот, метко выпущенная стрела попала Зайнаб в спину точно между лопаток. Зайнаб схватилась за ствол дерева, колени ее подогнулись, и она медленно сползла по стволу на траву.

– Деян... – она протянула руки по направлению к Деяну, и дыхание её прекратилось. Это было её последнее слово.

– Зайнаб, Зайнаб... – простонал Деян. – Братко, положи меня рядом.

Людота уложил Деяна под дерево рядом с Зайнаб. Деян взял ее безжизненную руку.

– Братко, тебе не кажется, что она чем-то похожа на Русаву?

– Не думаю.

– Братко, позволь мне взглянуть на неё.

Людота достал кинжал и протянул его Деяну. Деян взял кинжал, посмотрел на изображение на клинке.

– Прости меня, братко, прости за всё... – Деян собрал все силы и воткнул кинжал прямо в сердце.

Тело Деяна вздрогнуло и обмякло. Его голубые глаза уже безжизненно смотрели сквозь зелёную листву на голубое небо. Людота не ожидал этого. Он остолбенел от непоправимой утраты, а затем устало произнёс:

– Ну, зачем же так, Деян? Ты оставил меня совершенно одного. Я так надеялся, что ты будешь продолжателем нашего рода... – но здесь Людота посмотрел на окровавленные штаны Деяна. – А может ты и прав. Поверь, я отомщу за тебя.

Людота закрыл глаза брату и вытащил кинжал у него из груди.

– Прости Деян, я не могу устроить по тебе тризну...

Недалеко от забора, к которому примыкала кузница, Людота выбрал небольшую полянку, где не было деревьев и соответственно корней, и начал рыть яму. Где кинжалом, где мечом он отрезал пласты земли, рыхлил её и руками выбрасывал землю. Яма медленно росла.

На крыше кузницы появился Станята. Увидев Людоту, он спрыгнул с крыши и подбежал к нему:

– Дядько Людота, ты чего делаешь? Мы теперь можем...

– погоди, – перебил его Людота. – Помоги лучше Деяна похоронить.

– Как Деяна? – у Станяты полились слезы.

– Не плачь. Ты же будущий воин. А воинам слезы ни к чему.

Станята кивнул головой, закусил губу и вытер слёзы. Затем спрыгнул в яму и по мере своих детских сил начал помогать Людоте.

Солнце перевалило давно за полдень, когда они закончили копать яму. Людота положил в могилу Деяна. Перед тем как уложить Зайнаб рядом с Деяном, Людота снял с неё изготовленный Деяном браслет:

– Прости, Деян, но это будет для меня память, а ей он уже ни к чему, – и Людота надел браслет себе на руку.

Он накрыл головы Деяна и Зайнаб своей рубашкой, кото-

рую он снял, и своим кожаным фартуком, который из кузницы принес Станята. После того как засыпали тела землёй, Людота со Станятой направились к Баруху.

Но Баруха в доме уже не было. Очнувшись, он услышал шум и лязг металла. Кое-как поднявшись и потирая шею, он выглянул в окно и увидел, как Людота бьётся с воинами, как бросились к нему на помощь, как началось всеобщее избиение друг друга. Барух отвернулся от окна и увидел свой открытый сундук. Сундук был пуст. У Баруха всё внутри похолодело. Он растерялся.

– Проклятые рабы. Заковать всех в колодки. Но как вернуть деньги?... Газван ибн Джабаль...

Барух спустился на первый этаж, осторожно выскользнул из дома и, оглядываясь по сторонам, чтобы не попасться взбунтовавшимся рабам, побежал к дому Газван ибн Джабалья, но туда ему попасть не удалось: слуги Газвана бесцеремонно вытолкали его взащей. В отчаянии он упал на колени и начал громко голосить до тех пор, пока на крики Баруха не вышел сам хозяин.

– О, благородный Газван ибн Джабаль, помоги. Взбунтовавшиеся рабы меня, несчастного, ограбили. Я теперь хуже последнего нищего. У меня не осталось ни одного дирхема.

– погоди стонать. Отвечай. Сколько рабов?

– Много. Все рабы вооружились, убивают всех: и воинов, и женщин, и детей. Золото моё украли...

– Да погоди ты со своим золотом. Уведите его. Собирайте

воинов и пошлите гонцов к Мааруф ибн Баширу, пусть идёт со своими тысячами на подмогу.

Людота и Станята обшарили весь дом Баруха, но никого в доме не нашли. Рабы и слуги Баруха тоже покинули этот дом.

– Дядько Людота, может он у менялы?

– Вряд ли. Ушёл жидовин. Но менялу тоже надо проведать. Посмотрим, нужен ли будет ему гарем после этого? Ты держись рядом со мной. Ты один у меня остался. После пойдем Богуша искать, он где-то около базара. К нему туда Деян ходил.

В доме у менялы было все разбросано. В некоторых комнатах лежали убитые. Менялу с пропоротым животом и остекленевшими глазами нашли на втором этаже.

– Опять опоздали. Ну что, Станята, пойдем Богуша искать.

Проходя по дому, Людота подобрал чудом уцелевшие лук и колчан со стрелами.

– Дядько Людота, а может домой отправимся? Золото и серебро теперь у нас есть.

Людота остановился:

– Откуда?

Станята радостно:

– А я у Баруха из сундука взял.

– Украл как тать.

Станята растерялся:

– Почему как тать? Мы же заработали.

– Что мы заработали, то Деян приносил. А мечами, что мы Баруху отдавали, мы себе свободу выкупали. А он мечи продавал, и поэтому это его золото. Он его на крови наших соотечественников и на наших страданиях заработал. Грязные оно. Человек имеет золото, а свободы нет. Зачем оно ему? А свободу ничего не возместит. Запомни это.

– Хорошо. А что же мне с ним делать?

– Думай сам. Надо их на хорошее дело использовать.

Людота и Станята направились в сторону базара. То и дело им встречались мёртвые тела. Вперемешку лежали и арабы, и славяне. Город бурлил. Одни улицы и дома находились в руках славян, а другие удерживались арабами. Сражения происходили во многих местах. Без особой нужды Людота в сражения не ввязывался. Он целенаправленно двигался в сторону базара, обходя стороной места сражений, стараясь сберечь Станяту. Иногда он стрелял из лука, помогая отбивать нападение арабов. Но пробиться к Богушу не удалось.

На подмогу обороняющимся жителям подошло войско, и исход битвы начал склоняться в их пользу. Что могли противопоставить хорошо вооружённым воинам плохо вооружённые славяне, кроме своей отваги и силы духа?

На улицу, где находились Людота и Станята ворвались не менее сотни арабских воинов, которые начали врываться в дома в поиске взбунтовавшихся рабов-сакалибов. Все очаги сопротивления они засыпали тучей стрел. Вокруг Людоты начали падать поражённые стрелами славяне. Увидев это,

Людота схватил Станяту и заскочил в близлежащий дом. В нём уже находилось около сорока человек, преимущественно женщины и дети. Людей, способных держать оружие, было всего человек восемь, да и то многие были ранены. Поэтому ещё одному человеку, да ещё имеющему меч и лук со стрелами, обрадовались. Предводитель, которого все называли Твердило, указал Людоте на входную дверь и попросил встать около неё.

Из проёма двери виднелась узкая улочка с близко примыкающими друг к другу домами. Людота и Твердило поочередно посылали свои стрелы в перебегающие фигуры арабских воинов.

– А всё-таки боятся нас, – заметил Твердило, – ближе не подходят.

– Как бы по крышам не подобралась, – ответил Людота. – Да и стрелы кончаются. Что делать будем?

– Отходить придётся, наверное.

– Дядько Людота, дядько Людота, – услышал Людота и, не отрывая глаз от улицы, ответил:

– Ты зачем здесь? Прячься.

– Дядько Людота, вот... – Станята держал в руках пучок стрел. – Я ещё наберу.

– Ты где взял?

– Да в соседнем доме. Там ещё есть. Я принесу.

– Только быстро, сейчас уходить будем.

Стрелы посыпались гуще. В один из моментов, когда

Твердило попытался пустить стрелу, ему в ногу ударила стрела и пробила её насквозь. Потекла кровь. Твердило переломил оперение стрелы и, повернувшись ко всем, крикнул:

– Отходите, нам не удержаться.

Люди направились к другому выходу из дома и помогали выходить раненым и детям. Твердило повернулся к Людоте:

– А ты чего ждёшь? Спасай свое дитё, – в них наше будущее.

Людота оставил остатки стрел Твердиле и бросился в соседний дом.

– Станята! – крикнул Людота. Ему ответило молчание.

Он бросился в следующий дом и на входе нос к носу столкнулся с арабом, который в руке держал лук. Людота мощной рукой прижал его к стене и изо всех сил сунул мечом снизу вверх арабу под ребра. Тот мешком рухнул вниз. Появились ещё двое. Людота, не давая им опомниться, рубанул мечом вначале одного, а затем другого. В доме были арабские воины. Ничего не оставалось, как вернуться обратно, но и там уже никого не было: ни Станяты, ни людей, с которыми он был в доме.

У Людоты вдруг защемило сердце. Он вдруг понял, что потерял Станяту и остался совсем один. Что его держало в этом городе? Среди людей, которые украли у него жену, дочь, брата, друзей, а самое главное – свободу? Ничего. Значит надо из него выбираться и затем направляться на запад, к ромеям, которые, как слышал Людота, воюют с арабами.

Рядом с Людотой в стену ударилась стрела. Он пригнулся, завернул за угол дома, затем перелез через забор, затем ещё через один. Так, осторожно перебегая от дома к дому, от забора к забору, от одного укрытия к другому, Людота уходил от центра города.

Поняв, что его никто уже не преследует, Людота заскочил в один из домов. Перешагивая через трупы, лежавшие на полу и даже на лестнице, он взобрался на второй этаж, осторожно выглянул из-за ставня маленького окна на улицу: по ней сновали конные арабы. Туда хода не было.

Людота бросился к сундукам и начал их осматривать. В двух из них была женская одежда, и только в соседней комнате он нашел мужскую одежду и быстро в неё переоделся. Никак ему не удавалось намотать на голову чалму, но после нескольких попыток он всё-таки водрузил её себе на голову. Спускаясь со второго этажа, заглянул в кладовую и положил в котомку несколько лепёшек и мешочек крупы. Теперь оставалось только незаметно выйти из города, исключая всякую встречу с арабами, и Людота дождался, пока стемнело.

Не заметив никого поблизости, он выскользнул из двери дома и направился в противоположную от улицы сторону. Он знал, что, как обычно, там располагались сады, ограждённые забором из глины. Людота осторожно передвигался по городу, обходя все подозрительные звуки.

Уже на окраине города ему неожиданно повстречался всадник, который ему что-то прокричал. Чтобы по его высо-

кой фигуре не определили, что он не араб, Людота просто присел на корточки и приготовил меч. Всадник, разглядев чалму, подъехал поближе. Людота резко встал и ткнул мечом араба. Тот вскрикнул и упал с коня. В руках Людоты остался сломанный меч. Он его откинул в сторону и взобрался в седло.

– Прощай, Деян. Прощай, Зайнаб, – Людота помолчал. – Прощай, Станята, Богуш. Прощайте друзья, может еще свидимся...

Он тронул поводья и направил коня в темноту навстречу неизвестности подальше от этого проклятого города.

Глава 7

(738 г. от Р.Х.)

Наконец долгий путь закончился. Дорога перестала подниматься в гору и теперь, извиваясь петлями по склонам, опускалась вниз. Людота остановился. Влажный морской воздух освежал его усталое и измождённое лицо.

Перед ним лежало предместье города ромеев, лежащего на берегу моря. Внизу виднелись сады и огороды горожан, которые сменяли постоянные дворы и гостиницы для приезжих купцов. Слева от Людоты виднелись загородные дома богатых жителей города. Справа находилась городская свалка, куда вывозились мусор и нечистоты, а также выбрасывались без погребения трупы казнённых преступников. А за городом, скрываясь за горизонтом, синело море. Людота ни-

когда не видел так много воды.

Своего коня Людота продал несколько дней назад, и последний отрезок пути он шёл пешком. Усталость, конечно, сказывалась, но вид города, к которому он так стремился, воодушевил его, и путь до городских ворот показался ему не так уж и долг.

Людота шёл по грязным, почти не мощёным узким улочкам города. Это была его окраина, и здесь, на улицах, застроенными в несколько этажей домами, жили мелкие торговцы, люди, которые перебивались случайными заработками, разорившиеся ремесленники. Высокие, иногда достигавшие пяти этажей здания перемежались с более низкими лавчонками торговцев и различными мастерскими, конторами менял. Здесь же, выставив на продажу готовый товар и подзывая к своему товару прохожих, на первых этажах этих зданий трудились ремесленники. Мимо Людоты сновали разносчики воды, лотошники с различной едой, везли на тачках на продажу дрова.

Население города было многонациональным. Вокруг Людоты сновали люди в различных одеждах: в ромейской, в арабской, в еврейской и ещё не понятно в какой. Поэтому Людота в своей арабской одежде не казался изгоем.

Людота иногда останавливался, поднимал голову, удивляясь умением ромеев строить высокие здания, рассматривал изделия кожевников, ткачей. Особенно его заинтересовало изготовление глиняной посуды: кувшинов, горшков, амфор

для хранения продуктов, различных светильников. У одной гончарни он остановился и долго смотрел, как мастер ногой крутил нижний круглый камень, а на верхнем крутящемся столе за счет инерции крутящегося камня под умелыми руками принимал форму очередной горшок. Людота смотрел и думал, что у него на родине так быстро горшки не делают.

Ромей что-то спросил Людоту. Тот в ответ покачал головой и пошёл дальше.

Труднее всего было проходить мимо пекарен, от которых тянуло запахом свежеспеченного хлеба, мимо выставленных на продажу различных изделий пекарского искусства: от самого дешёвого ячменного хлеба, от дорогого пшеничного, от различных рогаликов, пирогов. Трудно было проходить и мимо разнообразных харчевен, закусовых, в котлах которых варились, сдобренные специями похлёбки с кусками мяса, и мимо разложенной на лотках жареной и печёной рыбы. Очень хотелось есть. От голода начало бурчать в животе. Денег от продажи своего коня уже не осталось. Найти какую-нибудь работу, не зная ромейского языка, не представлялось возможным. Людота наконец решился и свернул в переулок, в котором раздавался стук молотков и чуть ли не на улице были разложены изделия из металла: различного вида инструменты, подковы, серпы, топоры, котлы для варки пищи и многое другое.

Людота медленно шёл вдоль разложенного на продажу товара и взглядом оценивал каждую вещь: смог бы он сам сде-

лать так? Качество некоторых изделий ему нравилось, некоторых оценивал невысоко, а у отдельных он останавливался и понимал, что так ему не сделать в силу того, что мастера, делавшие эти уникальные вещи, годами оттачивали своё мастерство на изготовлении именно этих вещей.

Некоторые ремесленники или продавцы, когда он проходил мимо, бесцеремонно хватали его за руки, пытаясь привлечь к своему товару. Тогда он, улыбаясь, качал головой и, приложив руку к груди, склонял голову в знак уважения и шёл дальше.

Наконец он увидел лавку с разложенными на прилавке ножами, наконечниками копий, топорами, заступами и многими другими вещами, необходимыми в хозяйстве.

Зашедшему в лавку Людоте продавец, обрадовавшийся посетителю, начал предлагать свой товар на певучем ромейском языке. Людота покачал головой и достал из своей котомки один из кинжалов, который он прихватил, убегая от арабов, и протянул его продавцу.

Продавец взял булатный клинок и начал его рассматривать: по клинку шёл узор из сплошных изогнутых линий, сплетавшихся в пряди. Продавец попробовал изогнуть клинок – он вернулся в исходное положение. Под конец продавец ударил ногтём по лезвию клинка, – раздался чистый и долгий звук.

Кинжал произвёл на ромея впечатление, и он с уважением посмотрел на Людоту и, вернув его обратно, покачал отри-

цательно головой и произнёс что-то по-ромейски. «Не будет брать», – понял Людота. Ромей продолжал что-то говорить и показывать жестами: то показывая рукой на Людоту, то показывая куда-то в сторону, часто повторяя:

– Исхак, Исхак.

Людота наконец понял: ромей ему объяснял, что кинжал могут купить в той стороне, куда он показывал, и хозяина зовут Исхак.

Поблагодарив ромея, Людота отправился в указанном направлении.

Город стал меняться. Улицы стали шире и уже были мощены каменными плитами. Дома на них были построены из двух и трех этажей. Некоторые были украшены колоннами, статуями. Другие были окружены зелёными садами и еле просматривались сквозь листву. Третьи были отделаны мрамором. Судя по всему, здесь жили довольно богатые люди. Да и товар, выставяемый на продажу в многочисленных лавках, был тоже немного другим. Здесь продавались благовония и драгоценности, тонкие как паутина ткани, шёлковые одежды, одежды, расшитые золотом и серебром. Здесь также находились брадобрейные лавочки, и, что тоже поразило Людоту, лавочки, продававшие стеклянную посуду.

Людота иногда останавливался и, уточняя правильность движения, спрашивал встречных прохожих:

– Исхак?

Похоже, это имя было широко известно, и большинство

встречных указывало куда идти дальше.

Наконец он подошел к дому Исхака. Дом был похож на соседние, и в то же время он чем-то от них отличался: выглядел солиднее, основательнее.

В лавке Исхака кроме него самого находился богато одетый ромей со своим спутником, и сбоку, у входных дверей, стоял высокий, на целую голову выше Людоты негр. На теле у него из одежды была только набедренная повязка, достигавшая колен, и на перевязи через плечо в ножнах находился меч. Негр стоял молча, как изваяние, и не шевелился, уставившись в одну точку на стене.

Увидев нового посетителя, Исхак повернулся и что-то сказал и затем продолжил разговаривать с ромеем.

Людота огляделся. В лавке на полках лежали богато украшенные шкатулки, бронзовые изделия, оправленные в серебро, различное оружие в ножнах, отделанных драгоценными металлами, колчаны для стрел и тулы для хранения луков, украшенные ажурными чеканными узорами бронзовые щиты с выгравированными фигурами зверей и различных чудищ, статуэтки, выточенные из слоновой кости, просто украшения, какие-то предметы, назначение которых Людота даже и не мог себе представить.

На одном из прилавков были разложены мечи. Людота подошёл к прилавку и оказался недалеко от ромея. На прилавке среди богато украшенных лежали и на вид невзрачные мечи. Один меч показался ему знакомым, он взял его в руки, и от

радости учащённо стало биться сердце: это был его меч, утерянный во время пленения.

– Вот он, мой дорогой, – произвольно произнёс Людота.

Он не заметил, как после его слов спутник ромея удивлённо посмотрел на него и что-то шепнул ромею. Ромей тоже с интересом посмотрел на Людоту и продолжал дальше рассматривать какую-то вещь.

Исхак, на время оставив ромея, подошёл к Людоте и что-то сказал. Людота просто стоял и молчал. Исхак, более внимательно оглядев Людоту, оценил его потрёпанный вид и, видя одетые на Людоте арабские шаровары, опять что-то произнёс. В словах Исхака слышались знакомые сочетания «аль, эль», и Людота понял, что к нему обратились по-арабски. Он опять молча покачал головой. Тогда Исхак произнёс свой вопрос на знакомом Людоте языке жителей степей:

– Желаете купить меч?

Людота с жалостью, как будто бы у него отрывают что-то от сердца, положил меч на прилавок.

– Нет, я хочу предложить вот это, – Людота опять достал из котомки кинжал, который предлагал ранее.

Исхак оглядел ещё раз Людоту, понял что тот очень нуждается в деньгах и взял в руки кинжал. Мельком поглядел на лезвие, ударил по нему ногтем, – раздался чистый и долгий звук. Услышав этот звук, ромей заинтересовался и приблизился к Людоте. Исхак небрежно бросил кинжал на стол и

достал два серебряных дирхема:

– Я могу дать тебе за него две монеты.

– Кинжал стоит больше.

– Ну, хорошо, три.

Людота покачал головой:

– Нет.

Ромей взял кинжал в руки осмотрел его, взглянул на Людоту и опять положил на прилавок. Людота взял его с прилавка и начал убирать его опять в котомку.

– Пять монет.

Людота опять покачал головой и случайно звякнул кинжалом о второй кинжал.

Исхак заинтересовался:

– У тебя ещё что-то есть?

Людота кивнул головой:

– Но я это не продаю.

– Покажи.

Людота достал второй кинжал и положил его на прилавок. Размером он был как и первый, но на лезвии кинжала по темно-бурому с золотистым отливом фону повторяющие пряди волокон своим узором напоминали человеческую фигуру. Исхак судорожно проглотил слюну и взял кинжал. Дрожавшим голосом он спросил:

– Откуда он у тебя?

– Это мой, – Людота протянул руку, чтобы забрать обратно кинжал.

Исхак сделал шаг назад, не отдавая его обратно:

– Ты украл его!

Людота недоуменно посмотрел на Исхака, сделал к нему шаг, своей рукой крепко сжал его руку и отобрал кинжал. Затем схватил его за грудки, подтянул его к себе и с высоты своего роста, приблизив свое лицо к лицу Исхака, внимательно посмотрел ему в глаза. От испуга Исхак неожиданно испортил воздух. Людота усмехнулся и, отпустив Исхака, повернулся к двери с намерением уйти из лавки, но в дверях, словно медведь, проснувшийся после зимней спячки, уже стоял охранник-негр. Отступать он не собирался, но не собирался и пропускать Людоту.

Людота ногой резко ударил верзиле между ног. Негр скривился от боли, но не отступил и даже выхватил свой меч с утолщением на самом конце.

– Опомнись, Исхак, – произнес ромей.

– Но Зенон, – это ведь сокровище, которому нет цены. Он точно у кого-то украл.

Негр, скривясь от боли, начал подходить к Людоте. Людота нащупал на прилавке свой меч и сжал его в руке. Негр нанес несколько ударов, и Людота с трудом их парировал, почувствовав опытную руку бойца. В это время спутник ромея подошёл к негру сзади и резким ударом в ухо сбил его с ног.

– Ты не убил его, Нискиня? – спросил ромей.

– Очухается, – ответил он и, повернувшись к Людоте, добавил по-славянски: – Не уходи, подожди нас.

Людота, услышав родной язык, от неожиданности растерялся, а Зенон повернулся к Исхаку:

– Я не ожидал от тебя этого, Исхак. Вот тебе монеты за меч этого человека, – он бросил на прилавок горсть золотых монет. – Я думаю, этого будет с излишком. Я не вижу целесообразности больше общаться с тобой.

– Подожди, Зенон! А как же подарок василевсу?

– Я его найду в другом месте, – взглянув на Людоту, добавил: – А вообще то, мне кажется, что я его уже нашёл.

– Но ты слишком дорогой клиент, я понесу убыток!

– Надо было об этом думать раньше.

– Но ты пожалеешь об этом, Зенон.

Зенон усмехнулся:

– Твои слова, Исхак, как лай собаки на воробья, сидящего на ветке дерева, – он, переступив через лежащего охранника, направился к выходу.

Все вышли из дома Исхака, и Людота повернулся к Нискине:

– Ты северянин?

– Нет, я из уличей.

– Ты живёшь здесь?

– Мы приехали сюда по делам. Я потом тебе всё объясню.

В это время к Людоте по ромейски обратился Зенон, а Нискиня, чуть отстав, шёл сзади и переводил слова.

– Как твое имя?

– Отец и мать звали меня Людота.

– Что ты ант, я понял от Нискини.

– Мы из славян.

– Небольшая разница. Я дарю тебе этот меч, только убери его, а то люди пугаются.

Людота с изумлением заметил, что он до сих пор в руке держит меч, а встречающие их люди, скорее с удивлением, чем с испугом, смотрят на него. Он остановился и сказал:

– Но мне нечем отблагодарить тебя.

– Ты не понял, это подарок.

– Но такие подарки просто так не раздают.

– Ты разумен, твоя душа открыта, она бесхитростна, – ты говоришь, что думаешь, значит – ты честный человек. Тогда ответь мне на вопрос: откуда у тебя эти кинжалы?

– Я кузнец, – просто ответил Людота. – Я их сковал, как и этот меч.

– Зачем ты продавал кинжал?

– Очень хотелось есть. Я два дня ничего не ел.

Зенон понимающе качнул головой:

– Позволь пригласить тебя откусать с нами.

– Но у меня нет ни золота ни серебра.

– Ты опять меня не понял. Я приглашаю тебя как гостя и плачу я, – и, повернувшись к Нискине, попросил:

– Переведи правильно, – а затем продолжил:

– Ты мастер, и я мастер, правда я не кузнец. Почему бы мне в знак уважения не пригласить тебя на обед? А после обеда ты расскажешь, как ты попал в этот город.

Людота смущённо улыбнулся, и все трое направились в ближайшую харчевню.

Несмотря на голод, Людота ел неторопливо. Зенон и Нискиня быстро насытились, и стало понятно, что они были не голодны и в харчевню зашли только из-за него. Они, прихлебывая из высоких и узких глиняных кружек ячменное пиво, молча смотрели на Людоту. Зенон увидел браслет на руке Людоты и опытным глазом мастера определил, что он довольно необычен. Зенон дождался, когда Людота насытится, и попросил:

– Позволь мне поближе взглянуть на твой браслет.

Людота полотенцем вытер руки, усы и бороду и протянул руку с браслетом Зенону. Зенон оглядел браслет со всех сторон и удивлённо спросил:

– А разве он не снимается?

Людота нажал на звено браслета, снял его и отдал Зенону. Зенон долго рассматривал браслет. Затем он вернул его Людоте и удручённо произнёс:

– Очень занятная вещица, но, хотя я и считаю себя мастером, не могу понять, как она изготовлена. Я надеюсь, что в дальнейшем у нас будет ещё время, чтобы разгадать эту загадку. Ну а теперь расскажи, как ты оказался в этом городе.

И Людота начал свой рассказ. По окончании повествования Зенон немного помолчал и, наконец, спросил:

– Насколько я понимаю, этот браслет для тебя – это память о брате?

Людота молча кивнул головой.

– А я хотел предложить продать тебе этот браслет, чтобы разгадать загадку его изготовления. Теперь понимаю, что это неуместно. Скажи, а какие у тебя планы на будущее?

– Я не знаю, – честно признался Людота. – Я остался совсем один. До моей родины очень далеко, мне сейчас не добраться. Хочу найти какую-нибудь работу, чтобы прокормиться.

– А ты можешь изготовить ещё такие кинжалы?

– Могу и кинжалы, и мечи. Но только ножны к ним и эфесы делал Деян.

– Но это поправимо. Я изготавливаю для василевса разные дорогие безделушки: перстни, пояса, браслеты, шкатулки и ещё кое-что, так что ножны я могу сделать сам. Поэтому я предлагаю тебе вот что: кинжал, который ты собирался продать, продаёшь мне. Ты едешь со мной и покупаешь себе дом с мастерской. Денег от продажи кинжала на это конечно не хватит, но я добавлю. А ты отдашь долг потом. Я не тороплю с ответом, подумай.

Людота вспомнил Баруха, и на миг на его лице возникла тень сомнения, и в то же время, вспомнив, что произошло у Исхака, лицо приняло опять прежнее выражение. Это не ускользнуло от Зенона. Он улыбнулся и продолжил:

– Может у тебя будут ещё какие-то просьбы?

– Мне бы помыться.

Зенон кивнул:

– Хорошо. Сейчас пойдём со мной в гостиницу, будешь моим гостем. Там и помоешься.

По пути Зенон завёл Людоту в лавку и с трудом подобрал для него ромейскую одежду. И неудивительно: Людота под стать Нискине был почти на целую голову выше среднего ромея, и, соответственно, шире их в плечах.

Уже вечером помывшегося Людоту Нискиня привел в свою комнату, которая находилась рядом с комнатой Зенона:

– Располагайся.

– Скажи, Нискиня, а почему ты служишь Зенону? Почему не вернёшься на родину?

– Так повернула судьба, что все мои родичи погибли, а меня, малолетнего, подобрал Зенон, обучил кое-чему. Я ему благодарен. Если честно, подумай, что меня ждет на родине? Я ничего не умею, кроме как воевать.

– А как сам Зенон? Любят ли его боги?

– Зенон – честный человек. Он, как и все ромеи, поклоняется одному богу. Ты размышляешь над предложением Зенона? Соглашайся. Здесь, у ромеев, ты можешь заработать себе на будущее. А вернуться домой ты сможешь в любое время с караванами купцов, которые часто навещают племена славян.

Людота решил:

– Хорошо. Пойдём к Зенону, я дам ему свое согласие.

Услышав ответ Людоты, Зенон удовлетворённо склонил голову:

– Я и моя семья живем в пригороде Константинополя. Первое время, если захочешь, ты можешь жить с Нискиней. Нискиня, только говори с ним по ромейски, чтобы он быстрее научился понимать. Потом тебе подыщем дом с мастерской, в котором ты можешь жить и работать. Мечи и кинжалы должны быть не хуже того кинжала, который я у тебя покупаю. За кинжал я буду платить тебе от десяти до двадцати солидов, а за меч – от тридцати до пятидесяти. Кинжал и меч стоят конечно дороже, но я к ним буду изготавливать ножны и эфесы. Металл для их изготовления я буду поставлять тебе бесплатно, и тебе не надо будет искать покупателя. Согласись, что это занимает много времени.

Людота, услышав предложения Зенона, сразу понял, что оно очень выгодное.

– Скажи, Зенон, а сколько мне нужно денег, чтобы купить дом?

– Не беспокойся Людота. Недалеко от моего дома есть дом, который принадлежит мне. Он пустует. Я могу продать тебе его за тысячу солидов, но с одним условием: если ты захочешь продать его и купить новый, то ты его продашь только мне за ту же сумму. И ещё. Вдруг этот дом мне понадобится, тогда я покупаю тебе любой дом, который выберешь ты сам, на тех же условиях. Дом, который я тебе предлагаю, я приготовил как приданое моей дочери, когда она выйдет замуж. Правда, не знаю, когда это случится.

– Понимаешь, Людота, – разоткровенничался Зенон, – у

меня двое сыновей. Один, Кирилл, стал священником и изучает различные науки. Другой, Евпатий, воевал, был ранен, сейчас содержит школу, в которой желающих обучают военному искусству. Он женат, но пока рождаются одни девочки. А так хочется внука, чтобы я передал своё умение. Мои сыновья не захотели этого, – Зенон развел руками, – или я не смог привить им этого. И есть у меня дочь, Евпраксия. Ей пора уже замуж, а она всё перебирает женихов и никак не может себе выбрать. Я тебя потом познакомлю со своими детьми.

Утром Людота проснулся от стука в дверь и от звона доспехов.

– Что это? – спросил он Нискиню.

– Не знаю. Пойдём, посмотрим...

Людота схватил свой меч, но Нискиня остановил его:

– Оставь. Это не то место, где можно бряцать оружием, да и Зенон не тот человек, что его можно испугать.

Стук раздался снова, и Зенон открыл дверь. В комнату вошёл человек в металлическом панцире с наплечниками, набедренниками и металлическими наколенниками. На голове у него был шлем с гребнем, украшенный экзотическими перьями неизвестных Людоте птиц. С ним вошли ещё трое в кожаных панцирях с прикрепленными, для большей прочности, металлическими пластинками.

Человек посмотрел на Зенона и окинул взглядом стоящих за ним спокойного и уверенного Нискиню и немного встре-

воженного Людоту, пока не понимающего что происходит. Человек оценил их атлетические фигуры и на всякий случай поправил свой меч.

– Я префект⁴ этого города. Мне нужен торговец Зенон. От почтенного жителя нашего города Исхака поступила жалоба, что у него украдена драгоценная вещь, а именно: кинжал с удивительным рисунком. Он заявляет, что это произошло в тот момент, когда вы все трое были у него. Есть свидетели.

– Зенон – это я, – спокойно ответил Зенон. – Но я не торговец. Сам василевс дал мне должность спафария⁵ по особым поручениям, я доместик⁶ главного казначея. Вот пергамент, подтверждающий мои слова и подписанный мистиком⁷ василевса. И если этого недостаточно, то синклит⁸ направит сюда комиссию, которая проверит, как исполняются законы, направленные на поддержание порядка в империи.

Префект проверил бумаги Зенона и немного растерялся.

– А Исхак сделал лживый донос, – спокойно продолжил

⁴ Префект – глава гражданского управления.

⁵ Спафарий – чиновник среднего ранга. Лицо в звании спафария как правило занимало средние ранги должностей (начальники отрядов, крепостных гарнизонов, соединений в армии), но при этом его личный офицерский чин, присваиваемый василевсом (императором), мог играть роль при задействовании спафария в особых ответственных делах, таких как дипломатическая миссия, ведение переговоров, временное исполнение обязанностей на более высоких рангах.

⁶ Доместик – доверенное лицо.

⁷ Мистик – личный секретарь василевса.

⁸ Синклит – сенат.

Зенон. – Я сообщу об этом мистикам, и я думаю, в скором времени сюда приедет комиссия проверить финансовые отчёты города, да и заодно правильность уплаты налогов Исхака и правомерность его деятельности, если он может оклеветать даже спафария василевса.

– Прошу прощения. Произошла ошибка, – префект поклонился и все четверо вышли из комнаты.

– Ну что, – повернулся Зенон к Нискине и Людоте, – раз нас разбудили так рано, то давайте собираться и в порт. Корабль нас ждёт.

В порту было очень шумно. Людота глядел на это скопление народа, где каждый занимался своим делом, на громадные корабли, ужасавшие своим видом. У причалов стояли, как объяснил Нискиня, парусные суда и галеры, военные дромоны и хеландионы. Изредка попадались арабские фелуки и латинские парусники.

Людота как маленький ребенок удивлённо смотрел на эти корабли. Нискиня старался объяснить ему их назначение:

– Это дромон, – показал он на большой корабль с двумя мачтами. – Самый большой военный корабль у ромеев. Когда нет ветра, может плыть на вёслах. Видишь отверстия в борту корабля? Это для вёсел. С каждого борта в два яруса по двадцать пять вёсел, итого сто вёсел. От двухсот до двухсот пятидесяти гребцов на каждом дромоне, да еще до ста воинов. А это хеландион. Это судно может перевозить лошадей и различные грузы.

Одни корабли разгружались, другие, наоборот, загружались различными товарами.

– Как много кораблей! – удивился Людота.

– Нет, это не большой порт, – объяснил ему Нискиня. – Вот увидишь, сколько кораблей в Константинополе.

Судно, на котором им предстояло отплыть, по сравнению с дромомом казалось небольшим. Оно тоже имело две мачты с парусами, но не было того количества весел, что у галер или дромомов. Только два весла слева и справа от кормы, как объяснил Нискиня, служили для выполнения поворотов. Вдоль одного из бортов плотной материей было укрыто какое-то бревно, на одном из концов которого было утолщение. Ради интереса Людота измерил корабль шагами. В длину корабль был тридцать четыре шага, а в ширину – девять. На корме располагалась надстройка, в которой расположился Зенон.

– Не любит он морские путешествия, укачивает его, – объяснил Нискиня.

Наконец на корабль привезли и погрузили ожидаемые тюки с товаром, и моряки с обветренными лицами подняли паруса, и судно ходко направилось в открытое море.

Канаты, удерживающие паруса, были туго натянуты, мачты и рейи чуть поскрипывали. Корабль, покачиваясь на волнах, плыл вперёд, разрезая своим носом волны. Людота стоял на носу корабля и слушал, как под ним журчит вода. Иногда встречалась волна повыше остальных, и тогда солёные

брызги попадали на Людоту, и ему это нравилось, так как было довольно жарко.

Берег уже скрылся вдаль, как вдруг у носа корабля появились диковинные рыбы, которые плыли сбоку и впереди корабля, как бы наперегонки с ним. Иногда они выпрыгивали из воды и опять ныряли, чтобы снова плыть рядом с судном. Людота заморожено смотрел на них. Подошедший Нискиня пояснил:

– Это дельфины.

Но Нискиню заинтересовали не дельфины, а нечто другое. Он долго всматривался куда-то вдаль, затем тронул Людоту за плечо и показал рукой:

– Смотри, сарацины⁹.

Уже было видно, что три судна, по размерам на вид меньше, чем их, на всех парусах неслись наперерез. Нискиня что-то сказал проходящему рядом кормчему, и на корабле засуетились моряки. Они подбежали к укрытому материей бревну и сняли её. Под материей было не бревно, а медная труба, на конце которой была голова какого-то чудища с разинутой пастью.

– Пойдём, Людота, отойдём, не будем мешать. Они и без нас всё сделают.

– Не вооружиться ли нам?

– Не волнуйся. Сейчас всё увидишь.

Моряки закрепили на носу корабля трубу, выдвинув её

⁹ Сарацины – так в Византии (а затем в Европе) называли арабов.

разинутую пасть далеко вперёд. Корабль чуть изменил курс и направился прямо на один из арабских кораблей, который попытался увильнуть, но не успел. Из пасти чудища вылетел снап огня, и корабль арабов загорелся. Арабские моряки с криками начали бросаться в воду, но и поверх воды горел огонь, который широко растёкся по поверхности вокруг пылающего корабля. Людота остолбенел. Такого он ожидать никак не мог: горела вода.

Корабль ромеев отвернул от огня и направил свой нос на другой арабский корабль, но оставшиеся арабские судна уже развернулись и начали уплывать от опасного противника.

– Ну, вот и всё, – довольно улыбнулся Нискиня. – Теперь нас до самого Константинополя никто не побеспокоит.

Глава 8

(738 г. от Р.Х.)

Евпраксия сидела на скамейке и держала в руках пальцы¹⁰, на которые была натянута ткань с вышивкой. Евпраксия неторопливо стежок за стежком втыкала иголку с цветной ниткой в материю, и на материи уже можно было узнать вышитый необыкновенной расцветки цветок.

Перед ней сидел отпрыск богатого рода Студитов Нифонт и в который раз спесиво разглагольствовал о величии своего рода:

– Наш род Студитов вышел из самого Рима. Мой предок

¹⁰ Пяльцы – приспособления в виде колец для вышивания.

выполнил задание самого Октавиана, после чего был наделён милостью и приближён ко двору императора. Когда император Константин строил этот город, наша семья одной из первых переселилась сюда из Рима. Наш род ценит василевс Лев III. Мой отец Христофор Студит – член синклита и занимает должность референдаря¹¹, а его брат анфипат¹² Димитрий постарается, чтобы ему дали более высокую должность, соответствующую нашему роду. Наш род славится своим богатством.

Евпраксия взглянула на Нифонта: «Ну, вставь перо в зад, – вылитый павлин будет. Так и красуется, так и красуется. Наш род Камениатов не менее знаменит, но никто об этом не трубит на весь белый свет. Всё родственники, да родные... А сам то что достиг или сможешь достигнуть? Хвастун», – подумала она.

Нифонт продолжал:

– Да, наша семья потеряла земли в Египте и Сирии. Но мы постараемся сделать всё, чтобы вернуть их. Вот и василевс Лев III не без нашего участия разбил сарацинов у Акроиноса¹³. Скажу тебе по секрету, – Нифонт надменно поднял голову и расправил узкие плечи, – сейчас готовится новая мас-

¹¹ Референдарий – секретарь, в обязанности которого входило представление василевсу частных прошений и доведение его ответов на них до сведения должностных лиц.

¹² Анфипат – высокий титул в византийской табели о рангах.

¹³ В 740 г. василевс [Лев III](#) (717 – 741 гг.) нанес арабам сокрушительное поражение близ Акроиноса.

штабная война с сарацинами. Копятся деньги, оружие. Я уже сейчас протиктор¹⁴, а с началом войны мне обещали должность командующего мероса¹⁵. Представляешь? Ведь это десять тагм¹⁶, три тысячи воинов. Думаю, что через несколько лет мы заставим василевса разбить сарацинов и вернуть наши земли. Вначале в Сирии, а затем в Египте. И богатство нашего рода опять возрастёт.

«Как он надоел этот спесивый павлин», – снова подумала Евпраксия, но молча продолжала заниматься вышиванием.

– Счастлива будет та девушка, которая выйдет за меня замуж, – продолжил Нифонт. – Она будет купаться в богатстве. Не пора ли, благородная Евпраксия, и тебе подумать о замужестве? А почему бы... – но Нифонт не успел закончить свою тираду, как дверь отворилась, и в комнату зашёл Зенон с незнакомцем.

Евпраксия вскрикнула от радости:

– Отец!

Она отбросила вязание и, как маленькая девочка, бросилась с объятиями к Зенону.

– Стыдись, дочка, мы не одни.

Евпраксия обратила свой взор на незнакомца.

¹⁴ Протиктор – воин придворной гвардии, привилегированного подразделения, состоявшего из людей офицерского статуса. С VI в. это подразделение имело только церемониальные функции.

¹⁵ Мерос – полк.

¹⁶ Каждая тагма состояла из 300 воинов.

Незнакомец был высок и плечист. Его русые волосы были на голове разделены пробором и слегка кучерявились. Аккуратная борода была очень ему к лицу. Незнакомец был красив. Удивили глаза незнакомца. Они были голубые и смотрели на неё не сально, как большинство ромейских женихов, а восхищённо и, в то же время, с такой нежностью, что Евпраксия впервые засмушалась и на мгновение опустила взгляд. Таких людей она ещё не встречала. «Уж не сам ли это Ахиллес из древних греческих мифов?» – подумала она. В груди у Евпраксии потеплело, и у неё вдруг возникло чувство нежности и стремление прижаться к его широкой груди.

– Позволь представить тебе, дочь моя, гостя. Его зовут Людота. Он знатный мастер и ещё не понимает по-ромейски. Некоторое время он поживёт у нас, и, я думаю, ты поможешь ему освоить наш язык.

Перед Людотой стояла девушка, одетая, по обычаю, в широкое, скрывающее фигуру, ромейское платье, украшенное золотым шитьём. Но и это широкое платье не могло скрыть стройную фигуру с широкими бедрами. Утончённые и изящные черты лица дополняли красивые, густые волосы и длинные ресницы. Большие, полные нежности глаза смотрели на Людоту, и она ему искренне улыбалась. В её красоте было что-то эфемерное и воздушное, и от этой красоты веяло теплом. Это была красота совсем другого рода, она отличалась от привычных Людоте принципов красоты: красоты женщины-матери, красоты спутницы воина или пахаря, способная

всегда поддержать мужа в трудную минуту, способная вместе с мужем встать против врага и помочь мужу вырастить и убрать урожай. Это была красота гордости, и в то же время – смиренности и скромности. Это была красота, осознающая свою значимость, и в то же время не предающая этому никакого значения.

Людота глядел на это чудо природы, и впервые за последнее время у него потеплело внизу живота, и захотелось взять на руки это беззащитное создание. Он взял и по-славянски, как приветствуют у него на родине старших, поклонился ей в пояс, касаясь рукой пола. Евпраксия покраснела, опустила голову и, не поднимая глаз, бросилась из комнаты.

Нифонту не понравилось, что Евпраксия его оставила, и он, не обращая внимания на Людоту, надменно поклонился, слегка наклонив голову:

– Я приветствую тебя, Зенон. Но извини, я вынужден покинуть тебя. Дела, – и тоже вышел из комнаты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.